

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПОВОРЕНІЯ ЗАПАДНАГО КАВКАЗА.

ПШЕХСКІЙ ОТРЯДЪ.

СЪ ОКТЯБРЯ 1862 ПО НОЯВРЬ 1864 ГОДА.

(Продолженіе.) (*)

V.

Передвиженіе отряда изъ Тверской станицы на рѣку Схалюко, для устройства поста.—Присшествіе въ лагерѣ.—Арестованіе абадзеха.—Переходъ отряда въ Хаджи.—Первыя занятія отряда на новой позиціи.—Появленіе большого числа выбѣжавшихъ изъ плѣна.—Рассказъ одного изъ нихъ.—Разнообразныя свидѣнія, заимствованныя изъ рассказовъ бывшихъ плѣнныхъ.—Движеніе отряда между Пшишемъ и Пшекою, съ цѣлію побудить абадзеховъ къ скорѣйшему выселенію.—Правдая жизнь въ Хаджахахъ: базаръ; торговля горцевъ; языкъ, на которомъ объяснялись солдаты съ горцами.—О тревогахъ въ отрядѣ.—Фазаны (люди).

Быстро шли работы пшехскаго отряда. Переговоры, между тѣмъ, кончились. Ничѣмъ ненарушаемое перемиріе тянулось довольно долго, вмѣстѣ съ однообразными, скучными, чрезвычайно жаркими и сухими днями. Лихорадка, попрежнему, уменьшала ряды нашихъ войскъ. Наконецъ, дорога отъ станицы Пшишской до Тверской и работы по устройству самой станицы были окончены.

6-го августа отрядъ двинулся впередъ. Отрядъ изъ пяти баталіоновъ пѣхоты, дивизіона драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ и шести орудій (**), подъ начальствомъ полковника Граб-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1866 г., №№ 1—2, и „Карту района дѣйствій пшехскаго отряда, приложенную къ № 1 „Военнаго Сборника“ за 1866 годъ.

Ред:

(**) Стрѣлковыя части: 19-й, самурскій баталіоны; сводно-линейныя №№ 1-й и 4-й полубаталіоны; двѣ роты сводно-резервнаго № 2-го баталіона; затѣмъ 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и одна рота саперъ; два дивизіона Тверскаго драгунскаго полка; 1-я Новотроицкая и 6-я Петропавловская казачьи сотни; дивизіонъ горныхъ орудій 20-й бригады.

бе, передвинувшись версть на восемь отъ станицы, вверхъ по правому берегу рѣки Пшишь, расположился лагеремъ при впаденіи рѣки Схалюко, для устройства здѣсь поста и для вырубки лѣса и разработки дороги между этимъ пунктомъ и Тверской станицей.

Наша новая позиція была счастливѣе развлеченіями, чѣмъ предъидущая. На третій день по приходѣ на Схалюко, изъ Тверской станицы шла небольшая колонна. На пути слѣдованія колонна эта получила приказаніе отъ начальника отряда быть какъ можно осторожнѣе, потому что большое число горцевъ находится въ сборѣ. На всякій случай навстрѣчу колоннѣ было выслано два баталіона пѣхоты со взводомъ артилеріи. Не доходя трехъ верствъ до отряднаго лагеря, колонна остановилась, поджидая свой отставшій обозъ. Въ это время на лѣвой сторонѣ по косогору, между красиво расположенными группами деревьевъ, была обнаружена огромная толпа абадзеховъ. Это былъ сборъ абадзеховъ, передъ которыми читалось посланіе, полученное изъ Турціи. Съ правой стороны виднѣлось множество наѣздниковъ—запоздалыхъ депутатовъ, рысю спѣшившихъ со всѣхъ сторонъ небольшими партіями. У половины изъ нихъ не было оружія, чѣмъ они яснѣе хотѣли показать, что не намѣрены нарушать перемирія; но кавказскія войска не разъ были проучаемы и знали, что значить безусловно довѣряться мирному расположенію горцевъ. А потому колонна стянулась и съ пѣснями тронулась дальше. Горцы, при видѣ нашихъ войскъ, съ которыми до того они знакомились только въ бою, бросились къ колоннѣ съ живымъ любопытствомъ, желая, вѣроятно, поблизи рассмотреть нашихъ молодцовъ. Старшины, оставленные своими слушателями, промѣнявшими ихъ умныя рѣчи на солдатскія пѣсни, въ свою очередь погнались за разбѣжавшимися и нагайками начали сгонять ихъ опять въ кружокъ. Такимъ образомъ, ожидаемая трагедія приняла комическій характеръ.

Наканунѣ этого дня, въ самомъ лагерѣ нашихъ войскъ случилась небольшая суматоха. На площадкѣ, отведенной для сатовки, часу въ первомъ пополудни, поднялся шумъ; наконецъ раздались нѣсколько криковъ: „татары рѣжутъ!“ Ударили тревогу; дежурный баталіонъ взялся за ружье, артилеристы ближайшаго фаса къ мѣсту сатовки на рукахъ втащили горныя орудія на курганъ и навели ихъ на площадку. Горцы

однако не разошлись, а виновнаго повели къ начальнику отряда. Дѣло-то вышло простое. Абадзехъ продавалъ орѣхи, названные на нитку. Какой-то солдатъ, желая купить, осмотрѣлъ одну изъ связокъ, справился о цѣнѣ и сказалъ горцу, чтобы онъ шелъ за нимъ въ палатку, гдѣ обѣщаль ему заплатить за орѣхи. Абадзехъ не хотѣлъ идти, а солдатъ настойчиво звалъ его, держась за орѣхи. Продавецъ, выведенный изъ терпѣнія, началъ отнимать свой товаръ, но, убѣдившись, что не одолѣетъ солдата, выхватилъ кинжалъ и хотѣлъ перерѣзать нитку съ орѣхами, да нечаянно хватилъ солдата по рукѣ. Изъ этого заварилась каша: явились кровь, драка, крикъ, тревога и проч., кончившіеся, впрочемъ, безъ особенно серьезныхъ послѣдствій.

Сзаялюкскій постъ былъ построенъ къ 9-му августа. Еще день, и постовую вышку оставалось только покрыть крышей; но въ этотъ послѣдній день, вечеромъ, произошла опять суматоха, покрупнѣе чѣмъ предъидущая.

Одинъ, недавно вышедшій изъ плѣна, казакъ замѣтилъ на сатѣвкѣ горца, у котораго былъ въ плѣну. Попросивъ товарищей не выпускать горца изъ вида, онъ отправился къ начальнику отряда съ просьбою остановить этого абадзеха, на томъ основаніи, что онъ захватилъ казака вмѣстѣ съ женою и невѣсткою въ плѣнъ во время перемирія, и потребовать отъ горца возврата женщинъ, которыя находились еще у него; при этомъ казакъ жаловался на крайне варварское съ ними обращеніе. Полковникъ Граббе велѣлъ привести обвиняемаго. Горецъ же, замѣтивъ приближеніе солдатъ, хотѣлъ было уйти; но убѣдившій за нимъ казакъ схватилъ его за руку. Абадзехъ узналъ казака, въ одно мгновеніе выхватилъ винтовку, приставилъ къ его груди и спустил курокъ. Къ счастью—осѣчна. Абадзехъ и его нукеръ были арестованы, при чемъ старшинамъ объявлено, что освобожденіе его будетъ зависѣть отъ скорого возвращенія жены и невѣстки казака, приносявшаго жалобу.

11-го августа, окончивъ постройку поста, отрядъ направился къ Хадыжамъ, которые были очищены нами три мѣсяца тому назадъ. Кругомъ, по дорогѣ, отзывалось какъ-будто миромъ: огромныя стада, принадлежавшія туземцамъ, паслись по всей долинѣ; толпы горцевъ, безъ оружія, сбѣгались любоваться своими побѣдителями и выносили на продажу индюковъ,

куръ, гусей и т. п.; но все это какъ-то странно гармонировало съ заряженными ружьями нашихъ солдатъ и съ обоюднымъ нерасположеніемъ.

— Вишь, землячки-то, землячки, чортъ бы ихъ побралъ— говорили солдаты—сбѣжались своими лохмотьями похвастаться.

Но вотъ показалось бывшее укрѣпленіе Хадыжи. Горцы не уничтожили его. Расположенное на возвышенномъ берегу рѣки Пишищъ, оно было разбито на косогорѣ, при чемъ часть небольшой внутренней площади его была видна издали. Выше его тянулся большой и густой кустарникъ, оканчивающійся около вершины горы, съ которой можно было разсмотрѣть всѣ уголки укрѣпленія, безхитростная фигура котораго представляла четырехугольный редутъ, съ выступами для орудій по угламъ.

Названіе укрѣпленія какъ-то не шло къ Хадыжинскому редуту. Будучи немногимъ больше Схалюковаго поста, оно уступало ему въ искусствѣ постройки. Вообще, какъ общее расположеніе укрѣпленія, далеко непреграждавшаго долины рѣки Пишиши, такъ и устройство его, по нашему мнѣнію, не вполне удовлетворяли его назначенію.

Можетъ, однако, родиться вопросъ, почему никто изъ начальниковъ не озаботился обратить на это особеннаго вниманія? Да потому, что всѣ они хорошо знакомы со способомъ войны кавказскихъ племенъ и съ полною ихъ неспособностію брать укрѣпленія, почему и не придавали этому вопросу особаго значенія. Известно, что, со времени введенія у насъ наръзнаго оружія, не было примѣра, чтобы горцы рискнули взять приступомъ не только укрѣпленную станицу, но даже и укрѣпленный постъ.

Во время проѣзда Его Императорскаго Высочества намѣстника Кавказа, въ мартѣ мѣсяцѣ, около Тубинскаго поста вертѣлась, какъ говорили, двухтысячная партія, а на посту были ротѣ изъ пятидесяти человекъ и одно легкое орудіе. Несмотря на это, горцы не рѣшились атаковать поста. Даже выстрѣлъ изъ орудія по приближавшимся къ укрѣпленію горцамъ, служившій какъ бы вызывомъ на бой, не возбудилъ горцевъ къ атакѣ; они ограничились только доспѣшнымъ отступленіемъ въ глубь дѣса, окружавшаго постъ.

Если и случались нападенія горцевъ на укрѣпленія, на примѣръ въ родѣ такого, которое было сдѣлано на Хамкеты,

такъ это при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, укрѣпленіе Хамкеты находилось не въ районѣ военныхъ дѣйствій отряда, стало быть горцы, знаящіе, что въ такую мѣстахъ всѣ посты стоятъ безпечно, шли въ военный планъ къ устью; во-вторыхъ, тамъ было очень мало войскъ; въ-третьихъ, форпакъ былъ слишкомъ слабо огороженъ; въ-четвертыхъ, въ укрѣпленіи была хорошая привада: весь форпакъ застроенъ былъ множествомъ армянскихъ лавочъ и джаманъ болѣе богатыхъ жителей. Но и здѣсь, несмотря на быстроту и внезапное нападеніе горцевъ, при которомъ каждый изъ абадзеховъ держалъ въ рукахъ по сабелу, они савитили только одну форпакъ; а укрѣпленіе, сама обороняемое по крайней мѣрѣ въ шесть разъ слабѣйшимъ гарнизонномъ въ сравненіи съ атакующимъ, осталось для нихъ совершенно непроходимой. Если бы въ форпакѣ было достаточно войскъ, то нельзя было бы ожидать ничего подобнаго.

По прибытіи въ Хаджины, только одною частью батальоновъ разбили свои палатки на верху горы, около укрѣпленія; остальная же часть отряда расположилась на нижнихъ ступахъ горы и на самомъ берегу рѣки Ишанъ, чтобъ быть поближе къ водѣ. Затѣмъ нанялись, по обыкновенію, дѣловыми работами: очищеніе кустарника, окончаніе бруствера укрѣпленія, постройка лебедьняго поста на вершинѣ горы, прокладываніе дороги, копаніе землянокъ, печурень, кухни и проч. Въ то же время открывалъ водозапасъ провіанта и сѣна изъ станицы Пшехской, на разстояніи 50 верстъ въ одинъ конецъ. Войска до того были заняты пшехскими работами, что въ прикрытіе лагеря и пастбища скота оставался иногда неполный батальонъ. Окончивъ брустверъ укрѣпленія, войска начали пристраивать въ южному берегу далу пшехскую юртаду въ рѣдѣ станичной, для склада бунтовъ провіанта. Дѣль 1-му сентября была окончена и эта пристройка.

Въ продолженіе всего іюля и августа, во время вышеозначенныхъ занятій войскъ, нудъ не опредѣленно появлялись въ лагерѣ нашемъ выбѣжавшіе изъ плѣна солдаты и казаки. Сначала, когда мы стояли въ Пшехской долині, недрогая, удаляясь въ горы, уводилъ съ собою и плѣнниковъ; теперь же войска наши, расположившись между туземцами, которымъ болѣе некуда было дѣваться, находилось отъ лавочъ армянскихъ уже такъ близко, что они могли издали видѣть нашъ лагерь. Серд-

ца ихъ заговорили еще сильнѣе, когда долетавшіе до нихъ звуки пѣсенъ, барабановъ и роговъ напоминали имъ прошедшее, которое всегда такъ мило въ неволѣ. Вечерняя заря въ лагеряхъ была большею частію сигналомъ къ побѣгу плѣнныхъ. Многие изъ нихъ, пробывшіе въ плѣну лѣтъ по двадцати-пяти и болѣе, едва говорили по-русски; случалось, что выходили съ женами изъ горняковъ и дѣтьми магометанскаго исповѣданія. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ сами приняли магометанство, какъ они говорили, по необходимости, но большею частію передѣлывали его на свой ладъ. Такъ случалось слышать, какъ иной, говоря объ этомъ, прибавлялъ:

— Вотъ ужь, братцы, пятый годъ говѣлъ по-ихнему.

— А что ты, небось, опять станешь молиться по-нашему? спрашивали его товарищи.

— Безпремѣнно, братцы, безпремѣнно, вотъ вамъ крестъ!

И при этомъ говорившій твердою рукою клалъ крестъ...

— Э, братъ—замѣчаютъ ему—какая же у тебя рубаха порванная да грязная!...

— Да вѣдь бань-то у нихъ, проклятыхъ, нѣтъ; а заработать на рубаху—гдѣ заработаешь?...

При этомъ всегда кто-нибудь подворачивался съ рубахой.

— На, братъ, возьми.

— Спасибо, землячки! Эхъ, братцы, какъ посмотрю на васъ, то ажъ плакать хочется!...

— Неси на здоровье... Будешь богатъ—оздашь.

Нельзя было безъ удовольствія видѣть, какъ сѣдые старики, пробывшіе долго въ плѣну, сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, слушали рассказы о томъ, что теперь нѣтъ болѣе у насъ крѣпостныхъ, что больше не сѣкутъ розгами, не гоняютъ сквозь строй, что начальство стало теперь добрѣе, и проч.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! прибавляли они.—Ишь ты какія перемены!

— А кто у насъ императоромъ теперь, братцы? спрашивали они.

— Да Александръ Николаевичъ! отвѣчали солдаты.

— Такъ это ктожь, значить, такихъ милостей надавалъ?

— Да все онъ же!

Конечно, каждый изъ плѣнныхъ во всю свою жизнь не испытывалъ болѣе подробныхъ распросовъ, какъ по выходѣ изъ

плѣна. Благодаря имъ, мы очень многое узнали о положеніи дѣлъ на Кавказѣ и о тѣхъ интригахъ, которыя велись эмиссарами изъ Турціи.

Вотъ разсказъ одного изъ нихъ (*).

Глубокой осенью 1853 года, изъ укрѣпленія Сунать, выступила колонна. Пройдя съ нею версты полторы, расклативъ съ однимъ товарищемъ, заманенный въ лѣсъ спѣлыми огромными грушами, отошелъ отъ колонны и началъ собирать соблазнительные плоды; но въ это время загудѣлъ лѣсъ отъ залпа нѣсколькихъ сотъ ружей, и партія, поджидавшая колонну, вслѣдъ затѣмъ бросилась въ шашки. Тутъ онъ попался въ плѣнъ и приведенъ былъ въ Убыхскій аулъ къ тому, кто первый окривилъ его.

Въ теченіе трехъ лѣтъ его перепродавали отъ убыховъ къ шапсугамъ; отъ нихъ онъ перешелъ къ абадзаху, потомъ къ другому, у котораго и прожилъ девять лѣтъ. Въ первый же годъ женилъ онъ его на своей крестьянкѣ; но не долго пришлось ему жить съ женою: она умерла, оставивъ ему сына. Затѣмъ его съ сыномъ продали абадзаху Цей-Яуку. Этотъ тоже купилъ ему жену, по его словамъ, добрую и хорошую женщину; но тяжела была его жизнь у Цейя: одѣвалъ ихъ онъ старыми лохмотьями, негодными никому въ домъ, кормилъ такъ, что они едва только жили, а жена, родившая дочь, едва могла кормить свое дитя молокомъ; работать же заставлялъ больше своего буйвола. Плохо выкормленное дитя ихъ было хило и непрерывно заболѣвало. Въ свободное время, онъ иногда разсказывалъ ей о русскихъ, говорилъ, что жизнь тамъ хороша, что работы меньше, а ѣдятъ тамъ лучше, и уговаривалъ ее бѣжать; но лишь только подходили русскія войска, ихъ уговали въ дальнія трупобы. Вѣжать было нельзя.

Въ прошломъ году, когда хозяинъ ихъ былъ убитъ, они остались съ хозяйкою. Войска наши прибыли въ Хаджи; пѣсни, крики „ура“, утреннія и вечернія зори, призывъ на работу и на обѣдъ, все слышило было въ ихъ аулѣ, и все это увеличивало ихъ рѣшимость бѣжать. Наконецъ они выбрали отличное время, когда хозяйки не было дома, и рѣшились бѣжать; но, лишь только пришло ожидаемое время, дитя заболѣло. Любовь въ прежней жизни превозмогла любовь къ женѣ, и

(*). Бывшаго казеннаго денщика кавказскаго линейнаго № 7-го баталіона майора Колово, Семіона Старченка, выбывшаго изъ плѣна 11-го августа.

онъ одинъ выбѣжалъ изъ плѣна. Жена же его, Сану, осталась съ хозяйкою.

Магометанскою вѣру принялъ онъ, какъ говорилъ, чтобы только наружно выполнить обряды, въ угожденіе козиевамъ, а иначе жизнь его была бы хуже ада. А нужда заставила очень скоро выучиться абадзехскому языку.

Кромѣ того, Старченко сообщалъ намъ, что старшина аула, въ которомъ онъ находился, Мусса-Карбичъ, былъ въ Турціи и только въ прошлѣмъ мѣсяцѣ возвратился оттуда съ письмами: одно было отъ турецкаго султана, другое отъ Магометъ-Амина. Въ первомъ изъ нихъ было сказано, что нынѣшній годъ не будетъ помощи изъ Турціи потому, что страна горцевъ сильно обдѣла запасами хлѣба и сѣна отъ войны съ русскими, что вслѣдствіе того она не въ силахъ будетъ прокормить отрядъ, если онъ къ нимъ прибудетъ; но весной будущаго года ему придется много войскъ, съ продовольствіемъ и припасами. Въ письмѣ же намба сказано противное, именно: что онъ скоро придетъ съ отрядомъ турецкихъ войскъ и высадится гдѣ-нибудь близъ Анапы; а Мусъ-Карбичу приказалъ лично появиться съ отрядомъ у устья рѣки Туапсе, при чемъ увѣрялъ горцевъ, что русскіе, незаконно овладѣвшіе берегомъ, отступятъ немедленно при его появленіи. Старченко разсказывалъ, что абадзехи, по этому случаю, дѣлали нѣсколько большихъ сходокъ. Вѣроятно, поманутая нами сходка около Скалюкского поста была одна изъ нихъ. На этихъ сходкахъ преимущественно было такое рѣшеніе, чтобы, по возможности, оттягивать время до весны, а тамъ посмотреть, если не придутъ обѣщанная помощь, то начать выселеніе въ Турцію или въ Россію. Главное, что письма, полученные изъ Турціи, были поразительно противорѣчивы. Даже абадзехи, непривычные къ разбирательству подобнаго рода документовъ, далеко не всѣ повѣрили въ искренности письма намба; только небольшая часть увѣрила, что онъ говоритъ правду, а большая—что обманываетъ и что раньше весны они не получаютъ помощи.

Старченко сообщалъ также, что верхніе абадзехи рѣшили переселиться къ нижнимъ, у которыхъ въ томъ году былъ отличный урожай и которымъ, по послѣдующимъ переговорамъ, позволено спокойно прожить между Пшишемъ и Пшекусомъ всю зиму до перваго февраля.

Подобные разсказы сильно подзадоривали наше любопыт-

ство. Мы постоянно узнавали о появленіи выбывавшихъ изъ плѣна и такъ подробно допытывали ихъ, какъ нельзя болѣе; нѣкоторые изъ офицеровъ записывали имена, встрѣчавшіяся въ ихъ разсказѣ. Изъ ихъ безактиростныхъ, но ирраціональныхъ повѣствованій, мы ознакомивались съ нѣкоторыми чертами быта горцевъ, грубымъ и дикимъ нравомъ мущинъ, который также ложила на нашихъ плѣнныхъ, добрымъ и ласковымъ характеромъ ихъ женщинъ, которыхъ судьба не очень многими была лучше этихъ несчастныхъ. Узнали также, что и у нихъ оружіе дѣлалось во многихъ аулахъ; но это искусство у горцевъ западнаго Кавказа, вѣроятно, стояло на очень низкой ступени, потому что лучшіе клинки, которые попадались намъ, были или турецкіе, или чеченскіе, или дагестанскіе.

Многіе изъ выбывавшихъ разсказывали, что и море дѣлали сами горцы, если даже не бывало прихода его изъ Турціи. Составныя части его очень оригинальны, по ирраціональной мѣрѣ одна изъ нихъ: трава звѣробой (?) и затымъ селитра и уголь; пропорціи же этихъ составныхъ частей никто изъ плѣнныхъ не полюбопытствовалъ узнать.

Свинецъ, по разсказамъ плѣнныхъ, горцы получали изъ Турціи, а также отыскивали, послѣ перестрѣлки, русскія пули и переливали ихъ по своему калибру. Про добычу желѣза плѣнные разсказывали, что горцы вытѣкали его изъ каменнаго синяго камня, который они отыскивали около сѣверныхъ горъ. Операция эта производилась въ глиняныхъ котлахъ, на верху которыхъ, въ горизонтальномъ направленіи, прикрѣплялись деревянныя ковши съ очень маленькими отверстіями въ нижникъ ихъ частяхъ.

Черезъ плѣнныхъ мы узнали подробно о состояніи дороги въ Трапезе, удобствѣ и неудобствѣ ея относительно прохода войскъ съ вьючнымъ обозомъ и артилеріею.

Разсказывали еще, что кромѣ того письма, о которомъ было упомянуто выше, было получено еще отъ Магомедъ-Аминя и другое, которымъ онъ упрашивалъ абадзеховъ не дѣлать покорности русскимъ, говоря, что скоро вся Европа пойдетъ на Россію, и первыми явятся къ нимъ турецкія войска, и сильный шлотъ будетъ поддерживать враждующія племена съ русскими; а чтобы повѣрить его словамъ, онъ упирался на свидѣтельство горцевъ, въ томъ году переселившихся въ Турцію и оставленныхъ въ Трапезонтъ, близъ котораго собранъ былъ

значительный отрядъ, назначенный для десанта на восточный берегъ Чернаго моря, прибавляя, что отрядъ этотъ отлично снабженъ провіантомъ и боевыми припасами.

Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, бывшихъ у убыховъ, рассказывали, что на одномъ изъ большихъ оборовъ ихъ явился англійскій офицеръ, который, отъ имени своего правительства, просилъ ихъ, чтобы они продолжали вражду съ русскими и что въ самомъ непродолжительномъ времени они получатъ для поселенія свои же родныя мѣста, которыя будутъ для нихъ отвоеваны союзными войсками. Потомъ онъ, подъ прикрытіемъ отряда убыхскаго военачальника, хаджи-Догомукова, направился обратно къ устью рѣки Шихебъ, гдѣ недалеко ожидалъ его пароходъ.

Нѣкоторые передавали, что слышали, будто одинъ натухайскій ефенди, Куштановъ, находившійся уже въ Турціи, вернулся обратно къ мѣсту своего жительства черезъ Джубу и дѣйтельно проповѣдывалъ, чтобы горцы не сдавались русскимъ, что онъ нарочно пріѣхалъ подтвердить обѣщаніе Турціи непременно прислать помощь, и что Турція пожертвовала и скоро пришлетъ около полутораста ящиковъ съ порохомъ, въ удостовѣреніе чего онъ показывалъ ключъ отъ этихъ ящиковъ передъ цѣлымъ собраніемъ.

Неутомимые распросы плѣнныхъ доставили намъ превосходныя свѣдѣнія; свѣдѣнія же, которыя получало наше правительство, намъ неизвѣстны, почему нѣтъ возможности повѣрить эти показанія съ болѣе точными документами. Какъ бы то ни было, а можно и по этимъ даннымъ вывести приблизительно вѣрное понятіе. Въ какой степени вѣшивались въ эти дѣла правительства разныхъ государствъ, сказать трудно; но вѣшь-то, и, вѣроятно, Турціей, черезъ подкупленныхъ эмисаровъ и горцевъ, наивно повѣрившихъ обѣщаніямъ будущихъ благъ, велась самая крупная интрига, которая, судя по показаніямъ, приносила неблагопріятные для насъ плоды: такъ, убыхи, начавшіе переселеніе, приостановились и начали формировать отряды; абадзехи собственными боками почувствовали свое невыгодное положеніе, и въ то время, какъ одни вели съ нами переговоры, другіе начали понемногу приставать къ убыхамъ шайками и готовиться къ набѣгамъ. Въ ожиданіи Магометъ-Амина начался у убыховъ новый выборъ старшинъ; даже строили гдѣ-то меккеме (народное судилище). Все мало по малу поддава-

лись обѣщаніямъ, сообщаемымъ изъ Турціи; даже забывали про то, что русскій штыкъ стоялъ у нихъ на церофѣ, что для дѣйствій еще оставались осень и зима, которыя не разгоняютъ отрядовъ, а собираютъ новыя, для зимней экспедиціи, что имъ нужно же было чѣмъ-нибудь прожить до весны, что много тысячъ народа лишились возможности собрать хлѣба съ полей, а собранное погибнетъ съ появленіемъ русскихъ.

По слѣдующимъ дѣйствіямъ можно было заключить, что эти интриги способствовали къ быстрѣйшему покоренію Кавказа, стало быть имѣли свою хорошую сторону.

Хотя всякій бывшій въ послѣдней зимней экспедиціи, съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ представляетъ тѣ картины ужасной борьбы солдатъ съ бѣдствіями, непосылаемыми природой, какія выпадали намъ на долю, однако мы успѣли дойти зимою до Гойтхъ, а весною достигли берега моря.

По приходѣ въ Хадыжи, полковникъ Граббе былъ рѣшительно осаждаемъ просьбами пріѣзжавшихъ горцевъ. Мы, конечно, интересовались подобными сѣздами, и всегда узнавали только одно, что горцы пріѣзжали просить объ освобожденіи арестованныхъ горцевъ, о которыхъ упомянуто выше. Пользуясь ихъ сѣздомъ, начальникъ отряда постоянно напоминалъ имъ, что срокъ очищенія пространства между Пшишемъ и Пшекою уже подходит и что онъ замѣчаетъ полное равнодушіе горцевъ къ сроку 13-го сентября, конечному термину, назначенному для выселенія горцевъ. При этомъ начальникъ отряда грозилъ даже скорымъ своимъ визитомъ къ горцамъ, а они все твердили объ арестованныхъ, хотя уже нѣсколько разъ получали одинъ и тотъ же отвѣтъ: что ихъ слѣдовало бы наказать самымъ строгимъ образомъ за обнаженіе оружія въ мирное время, за полное ослушаніе противъ начальника въ районѣ лагеря, въ намѣреніи убить казака, исполнявшаго долгъ свой, и что, снисходя только просьбамъ почтенныхъ старшинъ, онъ рѣшается отпустить ихъ по возвращеніи ими плѣнныхъ женщинъ.

На третій или четвертый день появилась толпа солдатъ, окружавшихъ странный повозъ: на сѣдлѣ сѣдла женщина, а сзади ея, на крупѣ лошади, примостился горецъ. Казакъ, поднявшій эту законную кутерьму, кинулся на встрѣчу къ своей женѣ, которую давно не видалъ. Ее сняли съ сѣдла; молча подошла она къ мужу и стала рядомъ съ нимъ передъ начальникомъ отряда. Но не долго скрывала она свои чувства: сна-

чала, молча, поглядывала только на мужа, потому волились у ней градомъ слезы. Ни обниманіями, ни поцѣлуями она не высказывала своихъ чувствъ; ея рыданія были такъ понятны, что нѣкоторые едва не вторили ей.

— А что, видно, ей больно было хорошо-то у татаръ? сказалъ кто-то.

— Еще бы!... ишь, сердечная, заливается: должно быть, ей жаль разстаться съ этими чертями! отвѣтила другой.

Привели и связаннаго горца. Распутали ему локти, среди нашившекъ и остротъ солдатъ. Отдали ему ружье, потомъ шапку, пистолеть, наконецъ портмоне, взятый у него при арестованіи. Онъ заглянулъ въ него и объявилъ, что тамъ было 10 р. бумажками. Переводчикъ, честный и добрый человекъ, находившійся при полковникѣ Граббе, поклялся, что онъ, при отбираніи вещей, передъ всѣми показывалъ, что портмоне горца было пусто; но абадзехъ продолжалъ требовать своихъ денегъ. Обманъ былъ явный. Но, чтобы не дать повода такому гадкому человеку выдумывать про насъ, что его ограбили, полковникъ Граббе приказалъ выдать ему объявленную сумму изъ своихъ денегъ. Потомъ, по пріѣздѣ другой женщины, былъ освобожденъ и нужеръ горца.

Миръ съ абадзехами продолжался; но выполненіе нѣкоторыхъ условій шло очень медленно.

Полковникъ Граббе, во все время пребыванія своего съ отрядомъ въ Хадыжалъ, твердилъ безпрерывно заѣзжавшимъ къ нему абадзехамъ, чтобы выселялись: или за рѣку Вѣлюю, или куда хотятъ, только чтобы скорѣе очищали пространство между Пшишемъ и Пшехою. Конечно, всѣ эти слова оставались словами. Горцы торговались за время, мѣшкали; а, между тѣмъ, откладываемое перемиріе, могло прекратиться, и тогда намъ пришлось бы имѣть дѣло съ цѣлымъ населеніемъ. Чтобы придать словамъ своимъ болѣе вѣса, полковникъ Граббе взялъ пять баталіоновъ пѣхоты, роту саперъ, дивизионъ драгунъ, двѣ сотни казаковъ и шесть горныхъ орудій (*) и 3-го сентября двинулся внутрь пространства между Пшехою и Пшишемъ.

(*) Стрѣлковыя баталіоны: 19-й ширванскій, апшеронскій, самурскій и сводно-ливийскій № 1-й. Дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка. Казаки сотни Темирговская и Убджинская. Четыре горныхъ орудія 20-й артилерійской бригады и два орудія только что прибывшихъ облегченной № 3-го батареи 19-й артилерійской бригады.

Раскинувъ для осторожности бѣловыя дѣли и перемѣливаясь по арбынымъ дорогамъ съ одной высоты на другую, колонны шли между аулами. Значительная часть ихъ была уже брошена; оставшіеся же тамъ жители сильно были перепуганы этимъ движеніемъ. При приближеніи войскъ къ жилымъ мѣстамъ, видно было издали, какъ бѣжали сорочки убѣгающихъ женщинъ мелькали среди зелени кустовъ и деревьевъ, какъ нагруженные арбы поспѣшно подымались въ гору и какъ запоздалые хозяева поспѣшили около сакель. Съ нашей стороны, конечно, не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Миръ сохранялся. Такимъ образомъ, сохраняя перемиріе, мы распредѣлялись на позиціи около какой-то пересохшей рѣчки.

Въ теченіе 4-го и 5-го сентября отрядъ не перемѣнялъ своего лагеря, а отправлялъ только колонны въ разные стороны для фуражировокъ. Также посылались онѣ и для того, чтобы большая часть оставшихся въ этихъ мѣстахъ горцевъ собственными глазами видѣли прогулку нашихъ войскъ по ихъ владѣніямъ, потому что это производило несравненно лучшее впечатлѣніе. Призжавшимъ же абадзахамъ полковникъ Граббе объявлялъ, чтобы они торопились выселеніемъ и что онъ очень скоро пришлетъ колонну для сожженія ауловъ.

Между тѣмъ, вѣсть о появленіи нашихъ войскъ пронеслась по всей окрестности, почему надежда ихъ на оттягиваніе времени для переселенія была окончательно уничтожена, и это-то подвинуло мирные переговоры впередъ, какъ ни одно изъ вреній въ Ширванской станицѣ. Выселеніе началось очень быстро. Горцы поминутно съѣзжались къ полковнику Граббе, толковали о своемъ переселеніи и не торговались болѣе о протягиваніи времени. Ласковымъ и дружественнымъ тономъ начальникъ отряда внушалъ къ себѣ ихъ довѣренность, и они охотно слушали его совѣты.

4-го сентября, одна изъ колонокъ, отправленныхъ на фуражировку, печально наткнулась въ своихъ походахъ на жалкой аулъ и была свидѣтельницей, какое впечатлѣніе производила на горцевъ необходимость выселенія. Въ несчастномъ аулѣ, предавшемъ сначала судьбу свою волѣ Аллаха или русскому „авось“, поднялись такой вопль, крикъ и плачь, что начальникъ колонны, желая хотя сколько-нибудь успокоить несчастныхъ жителей, не доходя до аула, остановилъ колонну и до тѣхъ поръ не подходилъ къ нему, пока оттуда не выбралось все

насеяніе со своими пожитками. Потомъ явился къ начальнику колонны одинъ изъ стариковъ, проси, чтобы при фуражировкѣ оставили ему хотя немного сѣна. Конечно, просьба его была исполнена. Въ другомъ же аулѣ хозяинъ былъ болѣе горячаго темперамента, и, при появленіи нашихъ войскъ, онъ подбѣжалъ съ требованіемъ, чтобы не смѣли трогать его имущества и сейчасъ же возвратились назадъ, иначе онъ грозилъ стрѣлять; но, видя, что ультиматумъ его не уваженъ и отрядъ разбираетъ его сѣно, горецъ пришелъ въ такой азартъ, что съ крикомъ кинулся было одинъ на всѣхъ, но, къ его счастью, былъ остановленъ и обезоруженъ другими горцами.

Фуражировки этихъ дней были рѣшительнымъ благополучіемъ.

Такое быстрое движеніе впередъ, какое сдѣлалъ пшехскій отрядъ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, ясно говорило и за будущіе блестящіе результаты; но въ то же время продовольственная часть начинала страдать отъ дальности перевозки. Склады наши были слишкомъ далеки отъ войскъ. Особенно трудно было продовольствовать лошадей: трава на поляхъ сгорѣла совершенно, а ближайшій запасъ сѣна находился въ станицѣ Пшехской, это значитъ около 46 верстъ, а до отряднаго сѣнника было около 63 верстъ. Наложивъ возъ въ 25 пудовъ, въ сухую погоду его привозили въ Хаджию около 18 пудовъ; а въ грязь, когда копанья дороги представляли густое мѣско изъ глины, не привозили даже и 15 пудовъ, по причинѣ большого количества дней провоза; какъ отъ дурной погоды, такъ и отъ постоянныхъ поломокъ пропадали иногда цѣлые возы и запалились лошади, что весьма затрудняло перевозку. Поэтому движенія, дѣлаемые нами до 6-го числа, для лошадей были не тяжестію, а отдыхомъ. Послѣ этого иногда бывали фуражировки по правой сторонѣ Пшиша, а горы къ этому времени начали продажу сѣна.

Больше мѣсяца отрядъ нашъ простоялъ около Хадыжей, проводя время въ мелочныхъ занятіяхъ. Въ это время на позицію нѣхали разнаго рода продавцы, устроилась гостиница, и отрядъ зажилъ какъ-то оригинально.

Лагерь отряда былъ расположенъ ампитеатромъ по уступамъ ската горы, начиная отъ укрѣпленія до рѣки. Передъ нами открывалось все пространство внизу лагеря, обширная, ровная долина рѣки Пшишъ и высоты противоположнаго бе-

рега; мѣстность кругомъ была живописна. Самый лагерь имѣлъ весьма живописный видъ. Наиболѣе оживленная дѣятельность кипѣла внизу, гдѣ были расположены въ два ряда шатры и палатки духанъщиковъ и продавцовъ разныхъ товаровъ. На улицѣ между ними, какъ на петербургскомъ толкучемъ рынкѣ, тѣснился всякій людъ: солдаты, казаки, горцы, чумань, даже офицеры пестрѣли въ этой массѣ; съ наружной стороны, вокругъ духановъ, стояли въ разныхъ мѣстахъ кружки любопытныхъ, центромъ которыхъ большею частію были горцы, продававшіе разныя разности. Тамъ базарный шумъ смѣшивался со скрипомъ аробъ, съ пискомъ кларнетовъ, раздававшихся во всѣхъ углахъ (*), со звуками ширманки, отхватывающей въ какомъ-то духанѣ камаринскую съ удалыми вскрикиваніями пляшущаго подъ эту музыку. Все это напоминало уголокъ ярмарки въ какомъ-нибудь русскомъ городѣ, почему большинству жителей лагера нравилось все это, какъ родная пѣсня на чужбинѣ. Даже такія явленія въ походной жизни рѣдки; но, всматриваясь попристальнѣе на все происходящее вокругъ, нельзя сказать, чтобы это была картина мира: залпы командъ, разряжающихся ружья, вдали мелькающіе пикеты, цѣпь, охраняющая пастбу — все это говорило несовсѣмъ миролюбиво. Можно было даже часто замѣчать солдатъ, подтрунивающихъ надъ горцами, а порою и горцевъ, которые изподтишка, съ лукавою улыбкою посматривали на какого-нибудь плохаго ѣдока или сильно хлѣбнувшаго молодца. Вообще недобѣріе между солдатами и горцами было очевидно: солдатъ зналъ, что этотъ же самый „байгушъ“, который такимъ смиреннымъ продаетъ лѣсные орѣхи, завтра, можетъ быть, даромъ будетъ посылать въ колонну орѣхи свинцовые.

Однако торговля на хадыжинскомъ базарѣ шла самая дѣятельная; толпы татаръ смѣнялись новыми толпами и въ самое непродолжительное время возвращались домой съ деньгами за сбытый товаръ.

Главный сбытъ ихъ было сѣно. Съ утра и до вечера цѣлыя вереницы аробъ съ этимъ товаромъ тянулись по всѣмъ направленіямъ лагера и скрипомъ своимъ, лучше всякаго азіатскаго базарнаго крикуна, сзывали къ себѣ толпы покупателей.

(*) На Кавказѣ кларнетисты составляютъ необходимую принадлежность пѣсенниковъ, и каждый ротный командиръ старался о заведеніи такихъ музыкантовъ. Усердіе ихъ слышкомъ знакомо всѣмъ.

Сколько ни привозили его, требованія постоянно превышали предложенія, почему и цѣна на него начинала понемногу подыматься. Въ началѣ мѣсяца можно было купить сѣно копѣекъ по пяти за пудъ, а иногда и дешевле; а черезъ нѣсколько времени, особенно послѣ первой половины сентября, когда начали закупать сѣно въ экстренный складъ, цѣна поднялась копѣекъ до 12 и болѣе за пудъ.

Другой важный сбытъ горцевъ — это рогатый скотъ и баранта. Дешевизна скота сильно поддерживала ихъ торговлю, потому что артели прекратили посылку за нимъ на линію. Быкъ, котораго горцы продавали за 9 р., на линіи нельзя было достать и за 18 р. Нужно однако сказать, что говядина изъ горской скотины была далеко не такъ вкусна, какъ изъ скотины, присланной съ линіи; но дешевизна выручала это обстоятельство.

Затѣмъ слѣдуютъ, по количеству сбыта: верховыя лошади и оружіе всѣхъ видовъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ духановъ, на площади каждый день являлись конные горцы, показывавшіе достоинства своихъ лошадей; нѣкоторые изъ нихъ пускались въ карьеръ и, ловко осадивъ коня на 30 или 40 шагу, быстро поворачивали назадъ и съ мѣста кидались снова карьеромъ на нѣсколько шаговъ; другіе ловко вертѣли гибкаго коня на одномъ мѣстѣ, откидывая задъ лошади ударами нагайки; третьи плавно носились на спинахъ добрыхъ иноходцевъ, и проч. Цѣны на лошади тоже не были велики: почти ни за одну лошадь не требовали больше 60 р.; а, между тѣмъ, встрѣчались такія лошади, какихъ нельзя было отыскать на линіи и за 80 р.

Предметъ торговли составляли также рааныя мелочи, между которыми, не достоинствомъ, а количествомъ и наружнымъ видомъ, отличались красныя окованные сундуки съ звенящими замками; затѣмъ овесъ, орѣхи и дикіе каштаны, птица, медъ, яйца, масло, а также и домашнія вещи: мѣдная посуда, соломенные коврики, столики, плохія зеркала, вертела для шашлыковъ, и проч.

Мѣна капиталовъ въ этой торговлѣ была такого рода: горцы всѣ необходимыя для себя вещи добывали промѣномъ на свои; за предметы же, приносимые ими на продажу, брали звонкою монетою. Въ теченіе всего времени, пока шла эта торговля, десятки тысячъ разнѣной серебряной нашей монеты перешли въ руки горцевъ, готовящихся на переселеніе въ Турцію.

Можетъ быть, иному покажется непонятнымъ, какъ вели торговлю непонимающіе другъ друга лица: вѣдь не всѣ же могутъ начинать переводчиковъ. Еще покажется болѣе страннымъ, если сказать, что почти всякій солдатъ объяснялся съ горцами очень свободно. Нашъ солдатъ вездѣ составляетъ какой-то смѣшанный языкъ, обуюдо-понятный, и объясняется на немъ какъ на родномъ. Вотъ маленькій образчикъ лингвистической изобрѣтательности нашихъ солдатъ.

Посылаемые за покупкою сѣна обыкновенно пораньше выходили за лагерь, выбирали удобныя мѣста для наблюденія за окрестностію и выжидали появленія товара. Но вотъ движется путь аробъ, и кто-нибудь уже бѣжитъ навстрѣчу, съ призывнымъ крикомъ горцевъ „уй!“, стараясь произнести его такой же рѣзкой фистулой, какъ произносятъ горцы. Хозяинъ сѣна замѣчаетъ.

— Здорова, *знакомъ!* (*) говорить подходящий покупатель. Горецъ молчитъ и продолжаетъ вести воловъ.

— *Моко сату?*

— Сату.

И арба останавливается.

— Сколько *акча?*

— Арба — *сомъ-сомонокъ!*

— *Яманъ!* очень *копъ!* говорить солдатъ. — Бери одинъ сомъ.

— Нѣтъ сату! отвѣчаетъ сурово горецъ и ведетъ быковъ дальше.

(*) Слово *знакомъ* родилось во время мирныхъ сношеній. Горцы, желая имѣть свободный входъ къ омицерамъ, выпрашивали у кого-нибудь изъ насъ записку, въ которой бы засвидѣтельствовали о немъ что-нибудь хорошее. Записки такого рода писались обыкновенно: „такой-то знакомъ съ поручикомъ N“. Отсюда они позаимствовали его и, кажется, не знали настоящаго значенія этого слова, потому что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенно употребляютъ выраженія: другъ, пріятель, братецъ и т. п., они постоянно обращались со словомъ „знакомъ! знакомъ!“ Помышляемъ объясненіе абадвехскихъ словъ: *Моко*—сѣно. *Сату*—торговать. *Акча* или *акчъ*—деньги. *Сомъ*—рубль. *Сомонкъ*—полтинникъ. *Яманъ*—худо. *Якми*—хорошо. *Копъ*—много. *Жеребцомъ*—перековерканное слово *жерепцоръ*, что значитъ гуртомъ. *Шалтай-болтай*—слово собственнаго изобрѣтенія, которое солдаты навязываютъ всѣмъ восточнымъ народамъ—означаетъ: болтать попустому. *Баранчукъ*—молодой; солдаты употребляли въ смыслѣ маленькій. *Джигитъ*—принесенное солдатами съ лѣваго фланга и изъ Дагестана; оно мало знакомо здѣшнимъ горцамъ, у которыхъ есть слово *хаджиретъ*, такъ же, какъ и *джигитъ*, выражавшее назидника, молодца. Видя, что наши, желая кого-нибудь похвалить, употребляютъ слово *джигитъ*, они принимали его какъ однозначашее со словами очень хорошо, прекрасно и проч. *Абазъ*—грузинская монета, двадцатикопѣечнаго достоинства.

— А *жеребцомъ* сколько акча? начинаетъ опять солдатъ.

Горецъ останавливаетъ арбу и упорно повторяетъ, откладывая для большей ясности по пальцамъ: „арба — сомъ-сомонокъ; арба — сомъ-сомонокъ!“

Солдатъ сердится, что не можетъ никакъ уломать упрямаго горца, и снова съ притворною ласкою обращается къ продавцу.

— Знакомъ, зачѣмъ твоя *шалтай-болтай?*... арба *баранчукъ!* Моко яманъ.

— Моко *акши, джшты!* Нѣтъ шалтай-болтай! возражаетъ горецъ и ведетъ арбы дальше.

— Да что—говорить другой солдатъ—отсчитай ему вмѣсто *абазовъ*—пятнадцатикопѣечниковъ. Вишь, бѣгутъ еще покупатели. Плати. Разберемъ три арбы.

— Знакомъ! знакомъ!—кричитъ опять солдатъ—На!... Сату!... и показываетъ издали приготовленное серебро. Горецъ опять останавливаетъ арбы. Солдатъ выбираетъ три изъ нихъ и, подходя къ каждой, говоритъ: „одинъ арба—сомъ-сомонокъ; другая—сомъ-сомонокъ; третья—сомъ-сомонокъ“.

Видя согласіе покупателя на назначенную цѣну, горецъ подставляетъ до черноты загорѣлую руку. Солдатъ кладетъ ему на ладонь пятнадцатикопѣечники, приговаривая за каждымъ: „абазъ, абазъ, абазъ“.... и, насчитавъ пять, говоритъ: „сомъ“; такъ досчитываетъ онъ до четырехъ сомъ; откладываетъ еще предполагаемыхъ два абазы. Пока все идетъ хорошо; но пришлось для счета положить и гривенникъ—горецъ замѣтно встревожился.

Рѣдкій изъ нихъ въ то время могъ отличать значеніе мелкой монеты безъ сравненія съ другими; но въ сравненіи съ гривенникомъ онъ отгадалъ, что вмѣсто двугривенныхъ ему наклали пятиалтынныхъ. Послѣ этого, конечно, начиналась извѣстная базарная сцена.

При такомъ сообщеніи горцевъ съ солдатами, сближенія между ними все-таки не было замѣтно. Случаи, которые въ военное время бываютъ причинами, поддерживающими непріязнь между враждующими, особенно рѣзко выдавались въ кавказской войнѣ: сегодня рассказываютъ, что нашли унтеръ-офицера, 13-го стрѣлковаго баталіона, съ изрубленною головою двѣнадцатью шашечными ударами; вчера принесли солдата, самурскаго баталіона, который застрѣленъ былъ въ то время, когда

на деревѣ собиралъ груши; завтра непременно будетъ еще какой-нибудь случай убійства, и т. д. Съ кордоновъ постоянно получались извѣстія, что горцы, несмотря на перемиріе, часто нападаютъ на одиночныхъ безоружныхъ. А рассказы плѣнныхъ развѣ не волновали крови у слушателей?... Часто можно было слышать, какъ вскрикивали изъ толпы: „бить ихъ проклятыхъ! Эхъ, задали бы мы имъ, кабы начальство не запрещало!“ Неласково блестяли въ это время глаза солдатъ, и не смущеніе выражали лица горцевъ, видѣвшихъ, къ кому обращались эти угрозы.

Еще въ первыхъ числахъ сентября говорили о скоромъ пріѣздѣ командующаго войсками Кубанской области. Наконецъ онъ пріѣхалъ, и 11-го числа часть отряда, назначенная для встрѣчи графа Евдокимова, проводила его изъ Апшеронской станицы по просьбѣ генераль-маіора Зотова. Графъ Евдокимовъ лично убѣдился въ быстротѣ успѣховъ нашего отряда. Въ маѣ, во время послѣдняго своего посѣщенія, онъ видѣлъ только начало постройки Пшишской станицы, теперь же Пшишь былъ плотно заставленъ постами и станицами до Схалюко, а отрядъ стоялъ среди совершенно обезлюженной долины. Слѣдующій день командующій войсками Кубанской области провелъ въ осмотрѣ окрестныхъ горъ; съ ближайшихъ высотъ узналъ нѣкоторыя вершины, находившіяся въ районѣ дѣйствій даховскаго отряда, и приказалъ топографу опредѣлить ихъ на планѣ. Принявъ старшинъ, онъ согласился послѣдній разъ на просьбу ихъ, дозволивъ жителямъ между Пшехою и Пшишемъ отложить срокъ перемирія еще на пять дней. Въ то же время онъ приказалъ полковнику Граббе 18-го сентября отправить туда колонну для окончательнаго изгнанія остатковъ населенія. Графъ Евдокимовъ на мѣстѣ узналъ о положеніи дороги къ перевалу и тутъ же предположилъ, въ скоромъ времени, двинуться внутрь горныхъ ущелій по Пшишу.

По отъѣздѣ графа Евдокимова, какъ это всегда бывало, понеслись по отряду разные слухи: главный изъ нихъ былъ— о движеніи нашемъ къ перевалу. Начали разрѣшать вопросъ, какой изъ отрядовъ пойдетъ за перевалъ, нашъ или даховскій. Говорили также, что оба отряда соединятся вмѣстѣ и генераль-маіоръ Зотовъ будетъ общій отрядный начальникъ, и что скоро пріѣдетъ графъ и тогда пойдѣмъ впередъ.

Затѣмъ, по прежнему, настало полное бездѣйствіе. Опять

спустились въ намъ тишь да гладь; пріѣхали уже и базаръ и шумъ его. Кое-гдѣ строили себѣ землянки, вездѣ подымались скирды купленного сѣна. Съ 18-го же числа началась постройка маленькаго предмостнаго укрѣпленія. 20-го была послана колонна для сжиганія ауловъ, и это было послѣднимъ доказательствомъ для горцевъ, что данныя полковникомъ Граббе обѣщанія выполняются въ точности. Не осталось для утопающаго и соломенки; почему 20-го же числа нижніе абадзехи изъявили покорность и готовились къ выселенію.

Повременамъ мы производили и фуражировки. Вообще до 25-го сентября время тянулось однообразно. Впрочемъ, въ это время были произведены три тревоги, хотя и безъ выстрѣловъ, и одно убійство.

Если быстро поспѣвали подрѣпленія версты на пятнадцать и если тревоги на кордонахъ имѣли интересъ, то несравненно выше, по быстротѣ своей, стоятъ тревоги въ самыхъ отрядахъ. Прекрасенъ кавказскій солдатъ на тревогѣ: особенность кавказской войны, требовавшая очень часто отъ каждаго рядоваго значительныхъ личныхъ соображеній, сдѣлала то, что каждый изъ нихъ, нѣкоторымъ образомъ, обладалъ чувствомъ самоуправленія. Звукъ тревоги отзывался у него въ ушахъ русскимъ призывнымъ крикомъ: „помогите, кто въ Бога вѣритъ!“ Солдатъ, взявъ ружье, больше не ждалъ команды, онъ самъ дѣлался командиромъ; въ этихъ случаяхъ онъ не задавалъ себѣ вопроса, много ли съ нимъ народа; смѣлости ему тоже не стать было занимать, потому у кавказцевъ не бывало на тревогѣ первыхъ людей и уже подавно первыхъ ротъ, первыхъ баталіоновъ и проч. Не давали кавказцы бѣжать одному человеку, а бѣжали всѣ, не зная ни ротъ, ни баталіоновъ; у всѣхъ была задача одна: догнать непріятеля, и они силились ее исполнить, пока кавалерія не обгоняла утомленную пѣхоту.

Вотъ одна изъ тревогъ. 20-го сентября, едва только скрылась колонна, назначенная для сжиганія ауловъ между рѣками Пшишемъ и Пшехою, какъ въ какомъ-то углу горнисть протрубилъ тревогу. Ни одному барабанщику, ни одному трубачу не удалось поддержать ее. Крики: „татары! татары!“ были лучшею электрическою искрой; все закипѣло въ лагерѣ: забрякали ружья, и поле передъ позиціею покрылось бѣгущими солдатами.

Въ это время въ нашемъ лагерѣ находился эскадронъ нижегородскихъ драгунъ, который показалъ намъ при этомъ слу-

чаѣ свою удачу: не успѣла пѣхота отбѣжать еще и двухсотъ шаговъ, какъ одиночные драгуны, обогнавъ пѣхоту, неслись уже дальше. Они знали, какъ быстро исчезалъ непріятель послѣ проказа, и потому, пока одни сѣдали лошадей, болѣе нетерпѣливые уже неслись на неосѣданныхъ коняхъ, лишь бы скорѣе напасть на слѣдъ. У нижегородскихъ драгунъ, кажется, сильна была такая ирегулярная привычка. Что подняло тревогу? гдѣ непріятель? никто не могъ отвѣтить. Черезъ нѣсколько времени привели нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, укранныхъ у насъ скотину. Хотя пустяками кончилась тревога, но въ виду находившихся въ лагеряхъ торгующихъ горцевъ поймавъ вора было крайне полезно для другихъ, которые, во время перемирія, постоянно попадались въ разныхъ проказахъ. Для нихъ-то и хорошо было, какъ говорится, задавать холоду.

Съ этого же времени начался также усиленный „перелетъ фазановъ“. Впрочемъ, можетъ быть, за предѣлами Кавказа многіе знаютъ, что кромѣ птицъ есть еще люди-фазаны.

Существуетъ преданіе, что на бывшій лѣвый флангъ Кавказа, въ одинъ изъ отрядовъ, прибыло изъ Петербурга нѣсколько офицеровъ, вѣроятно, сдѣлать карьеру или получить награду и возвратиться назадъ. Приѣхавъ, они захотѣли въ тотъ же вечеръ попробовать свѣжихъ фазановъ. Достали. Вечеръ просидѣли за картами и, по-петербургски, часовъ за двѣнадцать, потребовали ужинъ. При появленіи лакомаго жаркаго, они не могли удержать своего восторга и встрѣтили его громкими криками: „фазанъ! фазанъ!“ Между тѣмъ, надо упомянуть, что позиція была въ опасномъ мѣстѣ. Часовые стояли начеку, прислушиваясь ко всякому шороху среди глубокой тишины, и вдругъ до нихъ долетѣли какіе-то крики; нѣкоторые изъ нихъ, менѣе хладнокровные, сдѣлали выстрѣлы; дежурный барабанщикъ ударилъ тревогу, и все поднялось на ноги; а передовая цѣпь не прекращала пальбы до утра.

Произведя на другой день подробное изслѣдованіе причинъ тревоги, начальникъ отряда узналъ, что виною всему былъ фазанъ. Разсердившись, онъ назвалъ приѣхавшихъ офицеровъ „фазанами“ и предложилъ имъ выѣхать изъ отряда.

Въ настоящее время называютъ фазанами тѣхъ, которые приѣзжаютъ въ отряды, на короткое время, за наградами. Наружные признаки ихъ: незагорѣлое лицо, хорошій сюртучекъ, надѣваемые всюду бѣлыя перчатки и небольшой узелокъ ве-

щей. Появленіе ихъ всегда предсказывало какое-нибудь хорошее движеніе, могущее разразиться крестами, чинами и другими благами.

Подобнаго рода фазаны не были тяжестію для отряда; но случалось, что въ числѣ ихъ являлись и такіе, которые пожитительно вредили всѣмъ: они пріѣзжали съ намѣреніемъ покомандовать частями.... Избави Богъ, бывало, попасть въ такую колонну! Они все приносили въ жертву своему желанію „дать горцамъ сраженіе“, и почти всегда, измучивъ людей, возвращались въ лагерь, не встрѣтивъ ни одного противника. Если же случалось, что завязывалось дѣло серьезное, то они „стушевывались“, и дѣлами орудовалъ уже какой-нибудь капитанъ или еще меньшій въ чинѣ, до котораго дошелъ чуть не двадцатилѣтней службою.

Узнавая о всѣхъ предстоящихъ движеніяхъ въ Тифлисъ, фазаны, конечно, рѣдко знали настоящее положеніе отрядовъ и обстоятельства, при которыхъ они находились, почему являлись часто не вовремя.

Такъ случилось и съ пріѣзжими въ нашъ отрядъ. Время предстоящаго движенія было неизвѣстно, а жизнь въ отрядѣ была прескучная. Это сильно обезпокоило фазановъ, и они молили Бога, чтобъ раздался хотя одинъ выстрѣлъ, который могъ бы имъ дать право сказать, что они были въ дѣлахъ, и затѣмъ уѣхать; а тутъ, какъ на зло, ни одного выстрѣла и ни одной оказіи поводить колонну! Не возмущалъ ангелъ воды въ купальнѣ Виссада и чающіе ея движенія разѣбхались по домамъ, либо отправились въ даховскій отрядъ поискать счастья.

VI.

Соединеніе даховскаго отряда съ шехскимъ.—Наступленіе, 3-го октября, обоихъ отрядовъ вверхъ по ущелью Пшишъ.—О числительности кавказскихъ баталіоновъ.—Позиція на Мальгошепъ.—Перемиріе, заключенное 6-го октября съ верхними абадзехами.—Движеніе части отряда на Гойтхъ.—Разработка дороги.—Свѣдѣнія о сборницѣ хаджи-Догомукова.—Движеніе противъ него 8-го ноября.—Обстоятельства, помѣшавшія исполненію плана полковника Граббе.—Возвращеніе шехскаго отряда къ устью рѣки Шески.—Окончаніе работъ.—Движеніе по Семе.—Планъ найденныхъ семействъ.—Тяжелая ночь съ 30-го ноября на 1-е декабря.—Состояніе войскъ на позиціи Гойтхъ.—Возвращеніе въ Хаджи.—Позиція при Воцески.—Движеніе внизъ по лѣвому берегу Пшиша.

Настало давно ожидаемое время для наступленія совокупными силами обоихъ отрядовъ, нашего и даховскаго. 26-го сентября прибылъ обозъ даховскаго отряда, который, сваливъ

тяжести, отправились обратно. 30-го числа, на высотахъ, примыкающихъ къ хадыжинскому укрѣпленію, раздались пѣсни, и чрезъ нѣсколько времени показался полковникъ Гейманъ, со своимъ штабомъ, а за нимъ войска. Закипѣла дѣятельность въ нашемъ лагерѣ: баталіоны пшехскаго отряда готовились принять баталіоны своихъ же полковъ, находившихся въ даховскомъ, а лѣвофланговыя и дагестанскія части войскъ — своихъ кунаковъ, съ которыми разстались уже давно. Закуска для офицеровъ и водка для солдатъ были приготовлены вездѣ; только попытка на церемоніальное вступленіе какъ-то несовсѣмъ гармонировала съ простодушіемъ ожидавшихъ ихъ знакомыхъ. Какъ-то не шло производить парады на кавказской боевой позиціи; лучшее торжество — музыка; есть она — пусть ее играетъ. Но пытаться придѣть солдатъ и стройною колонной отмаршировывать мимо войскъ другаго отряда — не представляло ничего торжественнаго. Такъ оно и вышло: передній баталіонъ даховскаго отряда былъ въ полукафтаняхъ, а остальные въ чемъ Богъ послалъ. Особенно забавлялъ солдатъ тамбуръ-мажоръ. Многіе изъ нихъ бѣжали за нимъ, какъ мальчишки за медвѣдемъ, чтобы посмотреть на „выкрунтасы“, которые онъ выдѣлывалъ. Какъ бы то ни было, но солдаты и офицеры радушно приняли своихъ боевыхъ кунаковъ, и произошла попойка превеликая.

Позиція даховскаго отряда была выбрана за Пшишемъ на плоскости, примыкающей къ противоположнымъ высотамъ отъ нашего лагеря.

Къ вечеру полковникъ Гейманъ отдалъ приказъ по даховскому отряду: три баталіона пѣхоты при двухъ горныхъ орудіяхъ, съ дивизиономъ драгунъ, должны выступить въ полночь; два баталіона пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ — въ два часа утра, а три баталіона пѣхоты, при двухъ горныхъ орудіяхъ, съ эскадрономъ драгунъ и сотнею казаковъ — съ разсвѣтомъ.

Всѣ мы недоумѣвали, куда пойдетъ и что будетъ дѣлать даховскій отрядъ. На другой день, проснувшись, мы увидѣли выше по Пшишу пылающіе аулы и слышали пальбу. Правда, тамъ были аулы; но если отрядъ нашъ, находясь съ ними по сосѣдству, не сжигалъ ихъ, стало быть на то была причина. Въ тяжелое время для лошадей, когда сѣно сильно вздоржало, тверскіе драгуны всегда отправлялись въ тѣ аулы и покупали

его у тамошнихъ жителей очень дешево. Слечь эти аулы было не хитро; но за то вмѣстѣ съ ними долженъ былъ изсякнуть послѣдній источникъ дешеваго сѣна. Туда ѣздили тверскіе драгуны какъ къ кунакамъ, а даховскій отрядъ вывезъ нѣсколько человекъ ранеными.

Утромъ вернулся отрядъ съ набѣга. Затѣмъ кутежъ закипѣлъ съ новою силой и длился до вечера. Поздно пріѣхалъ графъ Евдокимовъ. Къ утру другаго дня уже начались подготовительныя движенія: четыре баталіона пѣхоты, два взвода горныхъ орудій и дивизіонъ драгунъ (*) двинулись въ горное ущелье Пшиша, чтобы, разработавъ хотя немного дорогу, облегчить движеніе остальнымъ войскамъ. Затѣмъ пшешскій отрядъ спустился съ высотъ и сталъ также за Пшишемъ на плоскости лѣвѣе лагерей даховскаго отряда, но поближе къ прежней своей позиціи.

3-го октября, въ шесть часовъ утра, авангардъ, съ командующимъ войсками Кубанской области и начальниками обоихъ отрядовъ, былъ уже на высотахъ лѣвой стороны Пшиша и потянулся по узкой дорогѣ безъ обоза. За нимъ слѣдовали прочія войска отряда. Нѣсколько позже тронулся и безконечный обозъ всѣхъ частей.

Соединенный отрядъ, состоявшій изъ 17 баталіоновъ пѣхоты, двухъ дивизіоновъ драгунъ, четырехъ сотенъ казаковъ, сотни милиціи и 14 орудій (**), былъ, конечно, очень значителенъ, но опредѣлить его численность могутъ только служившіе на Кавказѣ въ послѣднее время. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что незнакомый съ положеніемъ войскъ на Кавказѣ можетъ считать въ подобномъ отрядѣ до двѣнадцати тысячъ человекъ, даже принимая въ расчетъ самую большую убыль при обыкновенно-

(*) Стрѣлковыя баталіоны; самурскій и 19-й; взводъ горныхъ орудій 20-й артилерійской бригады и дивизіонъ Тверскаго драгунскаго полка—изъ пшешскаго отряда; 1-й и 2-й баталіоны Кубанскаго пѣхотнаго полка, два горныхъ орудія 19-й артилерійской бригады—изъ даховскаго отряда.

(**) Пѣхотные полки: Севастопольскій и Кубанскій; стрѣлковыя баталіоны: 19-й, апшеронскій, ширванскій, самурскій, кавказскій-гренадерскій, кабардинскій, 21-й, сводно-линейные кавказскіе №№ 1-й и 3-й; дивизіонъ Нижегородскаго и дивизіонъ Тверскаго драгунскихъ полковъ; артилерія: три взвода горной батареи 19-й, два взвода 20-й артилерійскихъ бригадъ, одинъ взводъ облегченной № 3-го батареи горныхъ орудій, взводъ облегченной № 4-го батареи.

Войска, оставшіяся въ Хадыхахъ и въ другихъ мѣстахъ, въ этотъ счетъ не входили.

венныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ, при самомъ маломъ расходѣ, который только случается на Кавказѣ, численность нашего соединеннаго отряда не превышала 4,500 человекъ. Остановлюсь для объясненія этого вопроса, вѣроятно интересующаго каждаго читателя.

Подобный расходъ людей происходилъ, во-первыхъ, отъ военныхъ дѣйствій, какъ непосредственной причины; во-вторыхъ, отъ военныхъ дѣйствій, какъ причины, усложняющей войсковое хозяйство. При упоминаніи о первой причинѣ, невольно рождается мысль объ убитыхъ и раненыхъ; но эта цифра была самая ничтожная, особенно въ послѣднее время. Если предположить, что въ годъ выбывало изъ отряда триста такихъ человекъ, которые не возвращались болѣе въ строй, то это будетъ уже значительное число; раздѣливъ его хоть на то количество баталіоновъ, которые считались въ октябрѣ 1862 года, выйдетъ около двадцати-двухъ человекъ на баталіонъ. Такая убыль не превышаетъ обыкновенную убыль во всѣхъ полкахъ. Но если кто захочетъ узнать настоящую причину убыли войскъ на Кавказѣ, пусть обратится къ медикамъ, которые сообщать, сколько тысячъ больныхъ успѣвало перебивать въ госпиталяхъ въ теченіе года. Въ послѣдніе годы не кровью покорялся Кавказъ, а тратою здоровья и силъ солдата. Приходилось въ зимніе морозы и сильнѣйшія лѣтнія жары быть въ полѣ, въ дѣлахъ, на работахъ; каждую осень и весну спать въ глубокой грязи, подъ проливнымъ дождемъ, отъ котораго могли спасти только хорошіе дома, а не полотняныя палатки; круглый годъ долбить скалы и прорубать лѣса, дѣлать страшные переходы, то карабкаясь по кручамъ, то перебираясь черезъ броды во всѣ времена года. Вотъ славныя дѣла и подвиги кавказскихъ воиновъ, подвиги, стоявшіе большихъ жертвъ. Не было роты, въ которой, среди лѣта, когда начинаются лихорадки, состояло бы менѣе ста больныхъ. При трудныхъ работахъ или переходахъ количество больныхъ увеличивалось на гораздо большую цифру, и только въ хорошую зиму цифра больныхъ упала значительно.

Вторая причина большаго расхода людей—хозяйство войскъ. Система военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, при введеніи системы колонизаціи въ крупныхъ размѣрахъ, обуславливала постепенное и непрерывное движеніе впередъ, при чемъ войска отдалялись отъ своихъ складочныхъ пунктовъ на значительное раз-

стояніе и постоянно находились въ мѣстахъ безлюдныхъ. Покупать все необходимое для войскъ не было никакой возможности; только вновь пріобрѣтенный капиталъ—земля выручала артели изъ такого положенія: каждую весну всѣ части заводи-ли свои огороды, располагая ихъ около главныхъ складовъ отряда или, вѣрнѣе, около оградъ передовыхъ станицъ. Кромѣ огородовъ, необходимость заставляла командировъ частей имѣть свой запасъ сѣна въ шестимѣсячной пропорціи, нѣкоторое количество головъ порціоннаго скота, даже нѣкоторыя постройки для храненія вещей. При значительномъ удаленіи войскъ отъ главныхъ складовъ, образовывались второстепенные, промежуточные, въ которыхъ было необходимо оставлять сторожей и унтеръ-офицеровъ для присмотра за ними. Наконецъ, приходилось брать изъ строя людей въ пекарни, для послыки на линію за покупкою порціоннаго скота, сала, крупъ и водки. Кромѣ того, по требованію командировъ, въ штабы полковъ посылались люди для присмотра за вьючными, ротными, баталіонными и офицерскими лошадьми и т. п. Вслѣдствіе этихъ командировокъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ ротѣ оставалось налицо не болѣе шестидесяти человѣкъ (*).

Мы считали необходимымъ упомянуть объ этомъ для того, чтобы дать надлежащее понятіе о числительности кавказскихъ войскъ. Отсюда видно, что рота кавказскихъ войскъ, по числу людей, равнялась полувзводу полной роты, да и то только при счастливыхъ обстоятельствахъ; а баталіонъ кавказскій—съ ротою полного состава, и также при благопріятныхъ условіяхъ, потому что очень часто, даже въ описываемомъ движеніи, были

(*) Вотъ прихвѣрный подробный расходъ людей въ ротѣ:

Больныхъ	100
При ближнемъ цейхгаузѣ	2
При дальнемъ цейхгаузѣ	2
За покупками на линію	3
При сѣнѣ	1
При полковомъ штабѣ	10
Въ образцовомъ полку	2
При артельномъ стадѣ	2
Возвѣтыхъ при лошадяхъ во время похода	16
На псарнѣ	2
При овицерахъ	4
При огородахъ	2
Кашеваровъ	2

Итого 148

Вводя въ итогъ неполноценную убыль въ ротахъ съ пятидесятихъ годовъ, простирающуюся до 20 человѣкъ, получимъ въ расходѣ около 170 человѣкъ.

баталіоны, имѣвшіе въ строю только 180 человекъ. Впрочемъ, въ кавказской войнѣ отрядъ и въ 4,000 считался весьма значительнымъ.

Переваливъ черезъ высоты, образующія длинный полуостровъ, омываемый теченіемъ рѣки Пшиша, которая протекаетъ въ этомъ мѣстѣ въ ущелистой долинѣ, отрядъ опять спустился къ рѣкѣ. Продолжая путь то горами, то темными ущельями, частенько переправляясь въ бродъ, авангардъ, нестѣсненный тяжестями, прибылъ на позицію около пяти часовъ пополудни. Не поздно появилась и голова обоза; но общая линія его, по причинѣ узкой и неудобной дороги, до того растянулась, что хвостъ обоза пришелъ далеко за полночь.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановились оба отряда, горы, сжимающія Пшишъ, вдругъ отступаютъ отъ его лѣваго низменнаго берега, образуя круглую, обширную долину, за которой снова подходятъ къ самой рѣкѣ, образуя крутые, утесистые берега Пшиша.

Красива была тогда долина Мальгошепъ. Совершенно чистая площадь окоймлялась лѣсомъ, покрывавшимъ всѣ скаты горъ, у подошвы которыхъ выглядывали изъ земли часто насаженные маленькіе аулы. По приказанію графа Евдокимова, было строго запрещено разорять эти аулы, а все приобретать отъ жителей покупкою, почему были даже поставлены къ ауламъ наши часовые.

Странно было видѣть русскихъ часовыхъ, оберегающихъ почти пустыя татарскіе аулы; но умиляться духомъ, зная не совсѣмъ братское расположеніе нашихъ солдатъ къ абадзехамъ, не приходилось.

Съ прибытіемъ отряда на позицію закипѣла сильная дѣятельность: саперы, подъ руководствомъ инженеръ-полковника Гогеля, трасировали дорогу; посылаемые въ обѣ стороны колонны снова застучали кирками и топорами; топографы со своими планшетками, перебираясь съ вершины на вершину, наносили на нихъ еще незнакомую намъ мѣстность. Въ отрядѣ же каждый вечеръ около ставки графа Евдокимова играла музыка Севастопольскаго полка, и горцы съ любопытствомъ приходили ее послушать. 6-го октября, часа въ два пополудни, къ командиру войсками Кубанской области собрались старшины верхнихъ абадзеховъ, уже не для слушанія музыки, а

какъ приглашенные принять присягу на точное выполненіе условій перемирія. Главнѣйшія изъ этихъ условій заключались въ слѣдующемъ: что до 1-го февраля они могутъ оставаться по прежнему между Пшишемъ и Пшекупсомъ; чтобы горцы во все это время не брались за оружіе, не присоединялись къ враждующимъ племенамъ, чтобы не препятствовали въ ихъ земляхъ проводить дороги и дѣлать сѣмки; чтобы помогали войскамъ въ приобрѣтеніи фуража за плату, которая будетъ ими самими назначена, и что съ каждымъ нарушившимъ эти условія будетъ поступлено какъ съ измѣнникомъ. Съ 1-го же февраля 1864 года этотъ народъ долженъ переселиться на указанные мѣста въ полосѣ земли, высочайше предоставленной для надѣленія покоряющимся туземцамъ. На другой день было предписано начальникамъ отрядовъ: въ теченіе означеннаго срока не давать охранительныхъ билетовъ отъ крѣпостной зависимости тѣмъ изъ абадзехскихъ холоповъ, которые будутъ просить о нихъ для выселенія къ намъ.

Послѣ нѣкоторыхъ споровъ между собою, абадзехи рѣшились дать клятву на коранѣ, по окончаніи которой употребленъ былъ особенный способъ подписки своихъ фамилій безграмотными старшинами: каждому пачкали конецъ мизинца чернилами, и они, по очереди, прикладывали пятна, около которыхъ съ боку письменнымъ переводчикомъ прописывались имена приложившихъ руку. Старшины разошлись уже послѣ зори. Отряды улеглись спать и костры горѣли уже слабо....

Вдругъ, часовъ въ десять, раздались въ нѣсколькихъ мѣстахъ ружейные залпы противъ нашихъ засѣкъ на окрестныхъ горахъ; вслѣдъ за ними послышались и наши отвѣтные выстрѣлы. Такого рода сюрпризъ повторился нѣсколько разъ. Всѣ тогда пожелали знать, не изъ присягавшихъ ли на миръ хотѣли этою пальбой показать, какъ вѣрно будутъ держать они эту клятву.

Еще было далеко до восхода солнца, какъ по всей позиціи раздался трескъ падающихъ зданій—уничтоженіе горскихъ ауловъ было отвѣтомъ на вчерашніе выстрѣлы. Сухой лѣсъ разрушенныхъ сакель грудами складывали около кухонь; великолѣпные костры запылали вездѣ по линіи расположенія войскъ. Утра, встаети, были уже очень холодны.

Дальнѣйшее наше движеніе вверхъ по ущелью рѣки Пшиша было совершенно обезпечено. Жители, оставшіеся къ горахъ

по правому берегу Пшиша, гдѣ мы еще не были, и которые, по договору, должны были уже выселиться, не смѣли тревожить насъ изъ опасенія навлечь на себя преждевременно грозу. Жившіе же по лѣвому берегу Пшиша были уже связаны перемиріемъ, и нарушать его было крайне для нихъ невыгодно, изъ опасенія лишиться среди зимы послѣдняго убѣжища, куда теперь начали стекаться на зимовку тысячи абадзеховъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жилища были уничтожены и горцы оставались безъ прова.

Такимъ образомъ, не ожидая, никакихъ препятствій, часть отряда, изъ 8¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, 8 горныхъ орудій, двухъ сотенъ казаковъ (*), подъ начальствомъ полковника Геймана, выступила 8-го октября вверхъ по Пшишу. Версты четыре шла колонна по хорошо раздѣланной дорогѣ, оканчивающейся около брода черезъ Пшишь; за нею тянулась хотя не обширная, но тоже ровная поляна. Татарская дорога, по которой мы шли, круто поворачивала налѣво и, переваливъ небольшую высоту, тянулась опять по обширной площади пахатныхъ полей и хорошо заселенной, судя по значительному количеству ауловъ. Далѣе равнина эта постепенно суживалась и обращалась въ узкую трещину, дно которой занимала рѣка. Такъ подавались войска все далѣе. Долина Пшиша выдерживала прежній характеръ: горы, окаямляющія рѣку, попеременно то подходили другъ къ другу, сжимая рѣку между своими обрывистыми боками, то разступались, давая человѣку мѣсто для поселенія и жизни. Будучи однообразнымъ въ общихъ чертахъ, ущелье это не лишено тѣхъ характерныхъ особенностей, которыя придаютъ ему мѣстами оригинальную красоту.

При нашемъ появленіи, жители этихъ мѣстъ толпами выходили на дорогу, длго осматривая незваныхъ гостей. Сначала они боялись даже приближаться къ солдатамъ, и каждый выносившій что-нибудь на продажу былъ окруженъ цѣлымъ роемъ своихъ байгушей. Но занимательнѣе другихъ былъ одинъ абадзехъ, который, почему-то, предсказывалъ нашу гибель.

(*) Стрѣлковые баталіоны: 21-й, кабардинскій, кавказскій гренадерскій, сводно-линейный № 1-й; 1, 3 и 4-й баталіоны Севастопольскаго пѣхотнаго полка, 3-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка; артилерія: два взвода горной батареи, взводъ облегченной № 3-го батареи 19-й артилерійской бригады и взводъ 20-й артилерійской бригады; одна сотня Терской, другая Кубанской областей; кромѣ того, команда пастуновъ и саперы.

— Пропалъ урусъ!... пропалъ!... Убыхъ копъ!... старый ружо наѣъ!... пропалъ урусъ!... (*) кричалъ горецъ.

— „Кто! Урусъ пропалъ!...“ закричали со всѣхъ сторонъ солдаты. — „Врешь, старая, бритая, нехрещеная голова! Пропалъ абадзехъ, шапсугъ, убыхъ.... всѣ пропалъ жеребцомъ (оптомъ)... Урусъ джигить!“

Черкесь поворачивалъ только глаза то на одного, то на другаго изъ напустившихся на него солдатъ.

Пройдя въ этотъ день около 20 верстъ, колонна начала вступать на обширную площадь, гдѣ Пшишь дѣлаетъ поворотъ, почти подъ прямымъ угломъ. Запъ изъ кустовъ былъ первымъ адресованнымъ намъ привѣтствіемъ; но когда посланные туда стрѣлки дошли до кустовъ, то тамъ уже никого не застали. Въ аулахъ, стоявшихъ въ этой долинѣ, наканунѣ квартировала значительная партія убыховъ, подъ начальствомъ хаджи-Догомукова, намѣревавшаяся встрѣтить наши войска; но, узнавъ, что идетъ отрядъ несравненно сильнѣе ихняго, убрался подобра-поздорову въ горы, окружавшія эту поляну. Здѣсь, у подошвы главнаго хребта, отрядъ расположился надолго, и въ этотъ же день на всѣхъ ближайшихъ высотахъ и на остроконечной вершинѣ горы Гойтхъ были устроены засѣки для обезпеченія отряда отъ нечаянныхъ нападений. Въ теченіе слѣдующаго дня шла перестрѣлка во всѣхъ засѣкахъ, и, какъ кажется, горцамъ особенно не понравилась засѣка на горѣ Гойтхъ, гдѣ, на бѣду ихъ, сидѣли испытанные въ бояхъ кабардинцы.

Отрядъ полковника Геймана, занявъ эту позицію, заслонилъ отъ убыховъ значительную часть теченія рѣки Пшишь и отъ Гойтхъ до Хадыжей обезпечивалъ всѣ работы по устройству дорогъ.

Количество горцевъ, начавшихъ переселяться изъ этихъ мѣстъ на Лабу, увеличивалось значительно: во-первыхъ, потому, что появленіе нашихъ войскъ около перевала, въ 35 верстахъ отъ моря, разрушило у многихъ надежду, какимъ бы то ни было способомъ, отстоять свой родной край; во-вторыхъ, многіе желавшіе давно уже выселиться не смѣли до этихъ поръ привести въ исполненіе свои желанія, опасаясь убыховъ и шапсуговъ, которые рѣшительно запрещали имъ переселяться, подъ опасеніемъ быть убитыми, теперь же, подъ покровитель-

(*) По переводу на понятный языкъ означаетъ: „Берегись, русскій! Убыхи въ большомъ сборѣ, ивѣютъ орудія. Ты ихъ не одолъешь“.

ствомъ войскъ, расположенныхъ по всему ущелью, они могли перебраться безопасно.

Кабардинцы изъ своей засѣки нѣсколько разъ слышали, по ночамъ, перестрѣлки между горцами, и по справкамъ, отъ приходящихъ на сатовку, узнавали, что это убьихи нападали на караваны переселенцевъ и что при этомъ было достаточно убитыхъ и раненыхъ.

Съ первыхъ же дней по всему ущелью были начаты работы по устройству дороги; варывы, которыми рвали скалы, раздавались въ разныхъ мѣстахъ. Горцы продолжали нарѣдка перестрѣливаться съ нашими постами; даже по ночамъ они иногда подкрадывались къ засѣкѣ кабардинцевъ, но все было напрасно.

Въ это время отрядъ полковника Граббе былъ раздѣленъ на нѣсколько частей и расположенъ отъ долины Ашабинской до Хадыжей, что значительно ускорило ходъ работъ: подобнымъ расположеніемъ дана была возможность каждой части работать противъ своей позиціи, безъ траты времени на дальніе переходы на работу и обратно; кромѣ того, расположеніе это облегчало конвоированіе обозовъ.

Самъ же полковникъ Граббе, оставшійся по отъѣздѣ графа Евдокимова старшимъ, завѣдывающимъ военными предпріятіями обоихъ отрядовъ, избралъ своимъ мѣстопробываніемъ позицію при впаденіи рѣки Сеже въ Пшишь, у Ашабинскаго поста, стало быть только въ пяти верстахъ отъ Гойтхъ.

Первое время стояли отличные дни, съ очень холодными ночами; но недолго продолжалось это удовольствіе. 13-го октября, когда всѣ отряды думали отпраздновать рожденіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, полилъ сильнѣйшій дождь. Этотъ день былъ замѣчательнъ: съ него началась настоящая горная осень; дожди не прекращались до самыхъ снѣговъ, вслѣдствіе чего въ скоромъ времени земля глубоко промокла и сообщенія сдѣлались весьма затруднительны.

Для инаго фазана или туриста время это показалось бы самымъ пустымъ, а занятія вреднымъ промедленіемъ; но истинно военный легко могъ замѣтить, что появленіе нашихъ войскъ на Гойтхъ еще не могло закрѣпить за нами ущелья, что для этого требовалось еще много труда: иначе, зимою, когда отъ дождей уничтожались броды и засыпались снѣгомъ ущелья, намъ нужно бы было отступить, изъ боязни быть отрѣзанными

отъ складовъ; а потому не только зимою, но даже и ранней весною, по той же причинѣ, не пришлось бы возобновить военныя дѣйствія. Слѣдовательно, было необходимо, во что бы то ни стало, скорѣе кончить дорогу по всему ущелью и обезпечить ее постами; да и противникъ нашъ убѣдился опытомъ, что только тѣ мѣста отходили отъ него навѣки, гдѣ проводились дороги. Переждать же дурную погоду въ такое время было невозможно: она могла тянуться очень долго, какъ это и случилось въ ту зиму; мы, не приготовивъ себѣ опорной точки по этому ущелью, не могли бы быть весною у берега. Вслѣдствіе этихъ соображеній начались изнурительныя работы: промокшіе до костей отъ безжалостно лившихъ дождей и стоя по колѣно въ грязи, солдаты цѣлые дни долбили каменныя склоны горы. Этотъ трудъ, какъ по цѣнѣ жертвъ, такъ и по блестящему результату, замѣнилъ славныя сраженія: каждая колонна въ Хаджики увозила съ собою много больныхъ тифозною горячкою и сильно простуженныхъ солдатъ; за то, опираясь на плоды трудовъ ихъ, мы были весною тамъ, гдѣ безъ всякой дороги, при тогдашнемъ настроеніи умовъ въ Европѣ, мы были бы еще. Богъ знаетъ когда.

Почему до сихъ поръ не придаютъ настоящей цѣны подобнымъ работамъ? почему до сихъ поръ сраженія, не только не утомляющія солдатъ, но даже заключающія что-то притягивающее для военнаго человѣка, имѣютъ преимущество передъ такими работами, гдѣ и офицеры и нижніе чины поголовно жертвуютъ своими силами и здоровьемъ?

Еслибы можно было предложить кавказскимъ солдатамъ на выборъ: или два хорошихъ сраженія, или работу одной недѣли, то поголовно выбрали бы первое. Они не боялись дѣлъ; но имъ не по сердцу приходились мученія цѣлаго дня, которыми обходились всегда дорого. Жертвы сраженій, какъ плата за наши успѣхи, нисколько не имѣютъ вліянія на другихъ: на кого выпадетъ жребій, тотъ и страдаетъ. Работа же изнуряетъ всѣхъ; отнимаетъ силу войскъ, и все это разражается страшною смертностію. Раны, залеченныя послѣ сраженія, несравненно меньше мучатъ солдатъ, чѣмъ ревматизмы, отъ которыхъ многіе лишаются ногъ.

Нѣкоторые говорили, что слѣдовало бы около всѣхъ дорогъ поставить столбы съ наименованіемъ тѣхъ баталіоновъ, которые ихъ дѣлали, потому что въ глазахъ кавказца это имѣло бы

великое значеніе. Другіе же очень основательно замѣчали, что больше найдется такихъ, которые, проѣзжая по отличной дорожкѣ, пожалуй, съ улыбкою скажутъ: „что за геройство выкопать дорогу!“

Въ концѣ октября тѣ части войскъ, которыя принадлежали прежде къ пшехскому отряду, начали понемногу переходить изъ позиціи при Гойтхъ въ Ашабшинскую долину. Такимъ образомъ, въ первыхъ числахъ ноября какъ даховскій, такъ и пшехскій отряды вошли въ прежніе свои составы.

Горцы, между тѣмъ, не теряли надежды нанести намъ какой-нибудь вредъ. Они хорошо понимали важность позиціи даховскаго отряда и, кажется, противъ него-то именно и замыслили что-то рѣшительное. Появленіе эмисаровъ и подвозка нарѣзныхъ орудій съ боевыми припасами подзадоривали ихъ, вслѣдствіе чего горцы все яснѣе и яснѣе стали выражать свои намѣренія. Противъ нашихъ засѣкъ на Гойтхъ и на другихъ высотахъ видѣлись непріятельскіе пикеты; чаще стали они надѣдать своими мелкими стычками. Извѣстно было, что горцы выбрали даже позицію, съ которой хотѣли обстрѣливать лагерь. Полковникъ Граббе, какъ завѣдывающій дѣйствіями обоихъ отрядовъ, получалъ ежедневно извѣстія отъ полковника Геймана: то о скопленіяхъ большихъ партій, то о необходимости скорѣйшей высылки батарейныхъ и облегченныхъ орудій. Зная, что находящіяся у него восемь баталіоновъ пѣхоты слишкомъ слабы своею численностью, полковникъ Граббе началъ черезъ своихъ лазутчиковъ усиленно слѣдить за положеніемъ непріятеля. Вскорѣ онъ узналъ, что главный сборъ горцевъ расположенъ на *Челитси*; что тамъ находится, подъ начальствомъ хаджи-Догомукова, четырехтысячный отрядъ, съ четырьмя горными нарѣзными орудіями и значительнымъ количествомъ эмисаровъ, и что, расположившись на перевалѣ верстахъ въ шести отъ даховскаго отряда, Догомуковъ намѣревается скорѣ сдѣлать на него нападеніе, но когда именно, было неизвѣстно.

7-го ноября явился лазутчикъ съ извѣстіемъ, что завтра или послѣзавтра нападеніе на позицію при Гойтхъ непременно состоится и что къ убыхамъ присоединились еще шапсуги. Мѣшкать было нечего. Полковникъ Граббе, по предварительнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ полковника Геймана, не могъ рассчитывать на одинъ даховскій отрядъ; и, зная, что от-

вѣтъ за всякую неудачу, хотя бы и даховскаго отряда, падеть на него, онъ, въ полночь съ 7-го на 8-е число, сообщилъ начальнику даховскаго отряда, что, узнавъ о намѣреніи непріятеля напасть на позицію при Гойтхъ, онъ самъ хочетъ предупредить это покушеніе нападеніемъ на расположеніе горцевъ, и предлагалъ полковнику Гейману: взявъ шесть баталіоновъ пѣхоты и четыре орудія, двинуться прямой дорогою по ущелью къ челипсинской скалѣ, прибавляя, что самъ онъ пойдетъ дорогой, ведущей мимо позиціи даховскаго отряда. Такимъ образомъ, полковникъ Граббе думалъ съ разсвѣтомъ атаковать расположеніе противника съ двухъ сторонъ, куда вели двѣ дороги: одна—прямая, мимо укрѣпленія на горѣ Гойтхъ, по ущелью небольшой рѣченки, потомъ черезъ невысокій перевалъ на верховье Челипси; другая—круглая, по правому берегу Ази-Пшишъ, идущая по горамъ.

Полковникъ Граббе, собравъ немедленно на ашабшинской позиціи 6 баталіоновъ пѣхоты, 3 эскадрона драгунъ и 6 горныхъ орудій (*), приказалъ имъ заpastись трехдневнымъ провіантомъ, а въ два часа ночи повелъ вверхъ по Пшишу. Конечно, превосходными совокупными силами нагрянуть на скопища было бы крайне хорошо; но „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, говоритъ народная поговорка.

Безъ шума шли наши войска. Не доходя до расположенія даховскаго отряда, мы переправились черезъ рѣку Ази-Пшишъ и пошли по высотамъ праваго ея берега, намѣреваясь къ разсвѣту обойти непріятеля и, ставъ въ тылу, ожидать появленія полковника Геймана, по ущелью Челипси, противъ фронта горцевъ, чтобы потомъ сдѣлать одновременное нападеніе. Но непредвидѣнные обстоятельства помѣшали исполненію этого хороша задуманнаго плана.

Дорога была страшно размочена дождями и проходила по крутизнамъ, которыя, по системѣ Лемана, считались недоступными для пѣхоты. Свойство дороги было хуже, чѣмъ могли предполагать; туманъ былъ рѣшительно непроницаемъ. Все это замедляло наше движеніе. Когда передніе баталіоны начали спускаться къ Челипси, то было уже не очень рано, хотя время

(*) Стрѣлковыя баталіоны: 19-й, кавказскій гренадерскій, самурскій, ширванскій, сводно-линейный № 1-й и одинъ баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка; 3-я саперная рота; эскадронъ Нижегородскаго и эскадронъ Тверскаго драгунскихъ полковъ; горный заводъ облегченной № 3-го батареи 19-й артиллерійской бригады, облегченной № 7-й и легкой № 8-й 20-й артиллерійской бригады.

еще не ушло; поэтому начальник отряда сначала не хотѣлъ идти только съ тремя передовыми баталіонами и, давъ имъ отдыхъ, рѣшился подождать немного остальныхъ. Между тѣмъ, въ хвостъ нашей колонны произошла страшная кутерьма: по непонятнымъ судьбамъ, войска даховскаго отряда, подъ начальствомъ полковника Геймана, пошли тоже по дорогѣ пшескаго отряда, по совершенно неизвѣстной причинѣ. Полковникъ Гейманъ зналъ про кратчайшую дорогу къ Челипси, потому что туда уже ходили его войска. Какъ бы то ни было, перепутавшіяся части нашей колонны съ войсками даховскаго отряда при спускѣ въ балку были задержаны. Узнавъ о случившемся, полковникъ Граббе, не желая терять время, велѣлъ двумъ баталіонамъ спускаться къ Челипси. Лагерь непріятеля былъ расположенъ на лѣвомъ берегу этой рѣки; орудія и пороховой запасъ находились сзади ихъ шалашей.

Въ это время, съ высоты праваго берега, горный взводъ облегченной № 3-й батареи открылъ по непріятельскому лагерю пальбу. Дальнѣйшая атака была напрасна: перепутанный неожиданнымъ появленіемъ нашихъ войскъ, противникъ быстро бросился въ горы, и, какъ послѣ говорили, иностранные эмисары были въ числѣ первыхъ бѣглецовъ, при чемъ оставили на мѣстѣ орудія. Горцы на рукахъ успѣли вывезти свое сокровище наверхъ, куда отступили и остальные; значительная же часть ихъ, разойдясь по ущелью, завязала съ нами перестрѣлку изъ всѣхъ балочекъ; наши стрѣлки отвѣчали очень успѣшно.

Какова была мѣстность около Челипси, можно судить по тому, что другой артиллерійскій взводъ успѣлъ отыскать позицію только для одного горнаго орудія. Черезъ нѣсколько времени по открытіи пальбы пороховой складъ въ лагерѣ противника взлетѣлъ на воздухъ; говорятъ, что они сами взорвали его. Затѣмъ подошла остальная часть нашего отряда, а непріятельскіе выстрѣлы стали рѣдѣть и наконецъ совсѣмъ утихли. Отдохнувъ на мѣстѣ боя, мы вернулись прямою дорогою по Челипси на Гойтхъ, а оттуда перешли на поляну выше устья рѣки Шебси. Потеря 8-го ноября состояла изъ 3 убитыхъ и 20 раненыхъ.

Не тотъ бы вышелъ результатъ, если бы.... ну, да дѣло прошедшее! Жалѣли, правда, всѣ, что все такъ перепуталось и орудія не были отобраны у непріятеля; но потомъ мало по малу стали забывать эту неудачу.

Въ это время слышно было, что иностранные эмиссары понемногу начали ступшеываться, что они потеряли всякое значеніе въ горахъ и что настоящая тому причина было желаніе ихъ вернуться въ Турцію, вѣроятно, вслѣдствіе той ужасной погоды, которую должны были они переносить большую часть времени безъ крова, а можетъ быть и вслѣдствіе личнаго убяжденія въ невозможности остановить наше стремленіе, исходъ котораго дѣлался яснымъ и долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы весною войска наши непремѣнно были у берега; почему всѣ ихъ радужныя мечты, которыя они такъ усердно навязывали горцамъ, лопались какъ мыльные пузыри.

Въ скоромъ времени послѣ 8-го ноября, полковникъ Граббе уѣхалъ въ Майкопъ, и многіе офицеры отпросились на побывку по разнымъ станицамъ до возвращенія начальника отряда. Только такіе случаи и давали офицеру возможность хотя на короткое время погрѣться въ хатѣ, около печки, немного обсунуться и починить погибающее платье.

Утомительная скука снова водворилась въ лагерь. Доставать книги было очень трудно.

Долго стояли мы на этой позиціи. Погода, какъ на зло, выдерживала все прежній характеръ: то шли проливные дожди, то моросило по цѣлымъ суткамъ; воздухъ охлаждался все болѣе и болѣе; кашель раздавался въ каждой палаткѣ. Повременамъ начиналъ выпадать снѣгъ. Когда же случалось, что облака, отсыпавъ на землю лишній грузъ, подымались выше вершинъ бирестныхъ горъ, тогда, футовъ на полтора выше нашей позиціи, открывалась оригинальная картина, и мы могли любоваться, какъ обвѣдѣвшій лѣсъ верхней полосы рѣзкою чертой отдѣлялся отъ темной безлиственной чащи, стоящей ниже его.

Работы, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ во всѣхъ четырехъ лагеряхъ, на которые раздѣлился пехотскій отрядъ:

1) Колонна полковника Ильинича разрабатывала колесную дорогу въ семь аршинъ ширины, отъ впаденія рѣчки Шебесъ вверхъ по рѣкѣ Пшишь.

2) Колонна подполковника Комарова дестраивала постъ Шебесинскій, при впаденіи рѣки Скальдую, и уширляла дорогу отъ этого поста къ долинѣ Мальгошепъ.

3) Колонна подполковника Папчинскаго оканчивала Тужскій постъ въ долинѣ Тужъ и ограду около поста, для склада провіанта на четыре тысячи четвертей, и дорогу вверхъ по рѣкѣ Пшишь.

4) Колонна подполковника Солтана ушыряла дорогу.

Работы эти приходили къ концу. Дорога, сдѣланная пшехскимъ отрядомъ, простиралась отъ Хадыжей по всему ущелью до поста Ашабшинскаго, и только остальные вереть семь недоконченной дороги разрабатывались войсками отряда полковника Геймана.

Вся линия постовъ была выстроена пшехскимъ отрядомъ, именно: *Мирной, Шабшинскій, Тукскій и Ашабшинскій.*

Завладѣвъ Пшехскимъ ущельемъ вполне, мы могли приступить къ новымъ предпріятіямъ.

Сначала обратили вниманіе на Тубу. Не будучи въ силахъ отдѣлать туда достаточное количество войскъ изъ своего отряда, полковникъ Гейманъ просилъ содѣйствія полковника Граббе, который немедленно направилъ къ нему недавно прибывшій 6-й резервный баталіонъ Крымскаго пѣхотнаго полка и кавказскій гренадерскій стрѣлковый баталіонъ. По прибытіи этихъ войскъ въ Самурскую станицу, къ нимъ былъ присоединенъ резервный баталіонъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, со взводомъ конно-казацей артилеріи. Весь этотъ отрядъ подчинили полковнику Выборгу, которому предписано: сначала устроить дорогу внизъ отъ Самурской станицы, потомъ, окончивъ ее, оставить одинъ баталіонъ впереди станицы, а съ остальными войсками окончить ограду Ширванской станицы.

Наконецъ дошла очередь и до племенъ, живущихъ по правому берегу Пшиша. Отъ командующаго войсками Кубанской области прислано было приказаніе начать одновременное движеніе обоими отрядами: пшехскому—по рѣкѣ Сеже, а даховскому — по верховьямъ рѣки Пшиша. На этомъ основаніи, 27-го ноября, часть пшехскаго отряда, именно: 5 баталіоновъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и 4 горныхъ орудій были стянуты къ Ашабшинскому посту (*); для наступательныхъ дѣйствій; 2 баталіона пѣхоты, при взводѣ горныхъ орудій (**), со всеми оставшимися выюками отъ подвижной колонны, были отправлены въ Гойтхское укрѣпленіе, съ приказаніемъ подвезти продовольствіе изъ Хадыжей, пока войска, назначенныя для дви-

(*) Стрѣлковые баталіоны: 19-й, кавказскій гренадерскій, ширванскій, аншеронскій и сводно-линейный № 1-й; Петропавловская и Родниковская казачья сотня; горные взводы 19-й и 20-й артилерійскихъ бригадъ.

(**) Самурскій и сводно-кубанскій стрѣлковые баталіоны, при взводѣ горныхъ орудій 20-й артилерійской бригады, остались на позиціи при г. Гойтхъ; къ еще оставался аншеронскій резервный баталіонъ отъ даховскаго отряда.

женія, не вернутся на Гойтхъ; а чтобы не прерывались неоконченныя работы, 6 баталіоновъ пѣхоты и рота саперъ (*) были взяты изъ разныхъ мѣстъ пшишской кордонной линіи и расположены между рѣкою Мальгошепъ и Тукскимъ постомъ.

Уже въ продолженіе очень многихъ дней мы не видали даже сносной погоды; но ночь и утро на 28-е ноября были хороши. Ночной морозъ скрѣпилъ грязь и обманчиво показалъ намъ сухую землю; восходящее солнце выглянуло севозъ раздвинувшіяся на востокъ облака, какъ бы желая напомнить о своемъ существованіи.

Ущелье р. Сеже находится по правую сторону р. Пшишь, стало быть въ той мѣстности, которую абадзехи должны были давно очистить. Между тѣмъ, горцы, впрочемъ руководствуясь нашимъ русскимъ „авось“, досидѣли въ своихъ аулахъ до того, что наши войска должны были изгонять ихъ силой.

Первое наше появленіе въ долину рѣки Сеже сопровождалось истребленіемъ ауловъ.

Выступивъ рано утромъ, колонна наша шла больше правую сторону рѣки Сеже. По отлогимъ высотамъ берега рѣки было разбросано множество ауловъ. Все шло своимъ порядкомъ. Въ командахъ, наряженныхъ для сжиганія ауловъ, опытомъ проученные солдаты осторожно подходили къ нимъ, оцѣпляли кругомъ и, послѣ тщательнаго осмотра наружныхъ сакель, отправлялись къ слѣдующимъ. Пока осматривались внутреннія сакли, крайнія были уже въ огнѣ. Такъ было сожжено въ этотъ день значительное количество ауловъ, брошенныхъ непріателемъ. Наконецъ одна изъ очередныхъ командъ подошла къ довольно хорошему аулу. При осмотрѣ его внутреннхъ сакель, вдругъ какой-то солдатъ во все горло крикнулъ:

— „Жители живутъ!“

— „Взять ихъ!“ было отвѣтомъ.

Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ команда мигомъ сбѣжалась къ жилой саклѣ и, наклонивъ штыки въ двери, скрылась внутри ея; вскорѣ затѣмъ раздались отчаянные вопли испуганныхъ женщинъ. Для возможнаго успокоенія горянокъ, немедленно былъ посланъ туда переводчикъ, съ обѣщаніемъ, что ихъ никто не обидеть, лишь бы мужчины оставались покорными. Между

(*) На Мальгошепъ: самурскій и мингрельскій резервные баталіоны, 4-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка и $\frac{1}{2}$ роты саперъ.

На Тукской полянѣ: 1, 2 и 3-й баталіоны Кубанскаго полка и $\frac{1}{2}$ р. саперъ.

тѣмъ, крайнія сакли начали уже куриться; еще немного, и дымъ покрылъ внутреннія сакли аула; изъ-за него, попрежнему, слышались то плачь дѣтей и женщинъ, захваченныхъ врасплохъ войсками, то увѣщеванія переводчика, передаваемые во все горло, чтобъ перекричать отчаянные ихъ возгласы. Наконецъ, охраняемые конвоемъ, горцы вышли изъ пожара. Между тѣмъ, въ густомъ дымѣ пожара мелькали еще неясныя, темныя фигуры съ пламенемъ въ рукахъ, быстро перебѣгающія отъ сакли къ саклѣ разгорающихся зданій аула.... Вскорѣ море огня окватило весь аулъ. Такова безусловная необходимость, таковы были неумолимыя требованія войны—съ цѣлями водворенія вѣчнаго мира въ неспокойныхъ трупобахъ Кавказа.

Болѣе уже не встрѣчалось жилыхъ ауловъ—все было пусто—и колонна продолжала свое движеніе, оставляя за собою пылающіе аулы, оставленные населеніемъ.

Долина рѣки Сеже мѣстами очень ровна, широка и весьма удобна для поселенія и хлѣбопашества. Окоймляющія ее окрестныя высоты покрыты густымъ кустарникомъ и невысокимъ лѣсомъ. Въ этотъ день нами было захвачено 51 чловѣкъ плѣнныхъ и 50 штукъ баранты. Дойдя до большаго аула Хуаже-Хабль, гдѣ завязалась перестрѣлка съ горцами и мы потеряли трехъ чловѣкъ убитыми, отрядъ остановился на ночлегъ. По прежнему побрызгивалъ дождикъ, поэтому нельзя было не похвалиться этой позиціей, доставившей намъ въ изобиліи сухія дрова.

Недалеко отъ аула Хуаже-Хабль находился общій истокъ двухъ небольшихъ рѣчекъ: Большаго и Малаго Сеже, изъ слиянія которыхъ образуется рѣка Сеже; первая изъ этихъ рѣчекъ беретъ начало близъ верховій рѣки Пшиша, а вторая вытекаетъ изъ горы Куши.

На другой день заплылъ нашъ ночной привѣтъ, и колонна потянулась вверхъ по рѣчкѣ Большому Сеже, долина которой быстро суживалась. На пятой верстѣ мы уже вошли въ узкую долину, которая, черезъ нѣкоторое разстояніе, получала видъ трещины, ограниченной отвѣсными скалами. Едва-едва удалось намъ подняться на чрезвычайно крутую высоту праваго берега рѣчки. Затѣмъ, пройдя немного по верхней площадкѣ, мы увидѣли, что отступившія отъ рѣки горы снова образовали значительную долину, по которой небольшими частями двигалась наша кавалерія и пылали аулы.

Спустившись съ высотъ и стянувшись, мы отдохнули и снова двинулись въ походъ, но скоро оставили долину верховья рѣки Сеже и повернули въ долину рѣки Чунда-Перъ, впадающей въ Сеже, и затѣмъ начали переваливаться въ долину верховья рѣки Пшишъ. Путь нашъ черезъ перевалъ на Пшишъ былъ тяжелъ: долго шли мы по крутымъ косогорамъ безъ дороги, между кустами, постоянно подымаясь все выше и выше.

— „Эй, братцы, немного осталось до неба“, приговаривали запыхавшіеся солдаты.

— „Ну-ну! еще маленько осталось“, понукали самихъ себя ни отъ чего неунывающие кавказцы.

Тажъ шли мы, пока не взобрались на очель высокій хребетъ, и только на ровныхъ мѣстахъ верхней площадки немного отдохнули и сомкнулись. Но вотъ и спускъ. Войска остановились. Погода немного разгулялась, и передъ нами открылся громадѣйшій лабиринтъ лѣсистыхъ отроговъ, изрѣзанныхъ глубокими промоинами и лощинами. Тамъ, вдали, видѣлись отары овецъ, стада рогатаго скота; кое-гдѣ выглядывали аулы. Все это было явными обличителями невыселившагося народонаселенія. Началась военная облава: кавказскій гренадерскій, 19-й, а потомъ и ширванскій стрѣлковые баталіоны были спущены внизъ и, образовавъ одну общую длинную цѣпь, охватили всѣ изгибы горъ и трещинъ. Постепенно подвигаясь впередъ, они наткнулись, совершенно неожиданно, на цѣль семейства женщинъ и дѣтей, которыя расположились среди своего имущества, сваленнаго въ кучи. Спасаясь отъ колонны даховскаго отряда, который шелъ вверхъ по Пшишу, они попали въ руки другой. Нѣсколько мужчинъ бросились защищаться, и, конечно, одни легли на мѣстѣ, другіе были взяты въ плѣнъ. Одинъ убитый, одинъ смертельно, а два легко раненые составляли нашу потерю.

Конвоируя огромное количество плѣнныхъ и большія стада, весь отрядъ спустился по промоинѣ маленькой рѣчки Халсъ въ долину рѣки Пшиша, гдѣ и расположился на лѣвомъ берегу рѣки, въ виду лагеря даховскаго отряда, который во все это время шелъ вверхъ по Пшишу и тоже набралъ множество плѣнныхъ.

Непривлекательна была картина той части лагеря, гдѣ были расположены плѣнные: три небольшихъ костра едва обогрѣвали оковѣтые ихъ члены. Сырой воздухъ, мокрая земля,

легкое платье женщинъ невольно возбуждали сочувствіе въ положеніи захваченныхъ горцевъ. Этими тремя группами: всё, за очень малымъ исключеніемъ, помогали чѣмъ могли: хлѣбъ, масло, чай приносили со всѣхъ сторонъ. Не говоря объ офицерахъ, у которыхъ такой взглядъ и сочувствіе къ несчастнымъ есть прямое требованіе нравственнаго развитія, слѣдуетъ съ полнымъ уваженіемъ упомянуть и о солдатахъ, которые очень охотно таскали для плѣнныхъ дрова, дѣлились съ ними своими сухарями; даже нѣкоторые давали имъ деньги, удѣляя изъ своихъ ограниченныхъ достатковъ.

Холодный вѣтеръ съ сильнымъ дождемъ приветствовалъ наши сборы на слѣдующее утро. Даховскій отрядъ рано поднялся и направился въ долину рѣки Пшехи; а нашъ отрядъ, выступивъ въ десять часовъ, отправился на Гойтхъ.

Кто не былъ на Кавказѣ, тотъ едва-ли можетъ себя представить положеніе войскъ зимою. Кавказскій солдатъ морозить и дрогнетъ бывало всю зиму и обсушивался только тогда, когда позволяла сама природа. Перенести же такую зиму, какъ 1863—1864 годовъ, могло только войско, вполне закаленное въ непогодахъ, и люди, такъ плотно свинченные, какъ русскіе. Безжалостный дождь съ 13-го октября и по 11-е декабря шелъ постоянно, съ перерывами самое большее на два дня, и во все это время солдатъ щеголялъ въ мокрой рубашкѣ, проходилъ непрерывно броды по колѣно и по поясъ въ водѣ и оставался для ночлега въ грязи, смѣшанной со снѣгомъ, прикрываясь только палаткой, а повременамъ обходился и безъ нея. Цѣлыхъ два мѣсяца почти подъ непрерывнымъ дождемъ и стоя въ глубокой холодной грязи, солдатъ проводилъ время въ долбленіи и другихъ работахъ по прокладкѣ дорогъ. Все это, взятое вмѣстѣ, съ дополненіями, составило такъ называемую *зимнюю экспедицію*.

Но 30-му ноября хотѣлось, кажется, отличиться передъ другими днями: дождь, пробирающій до костей, лилъ на всѣ лады и былъ какъ-то особенно жестокъ. Поздно вечеромъ прибыла колонна на позицію, къ укрѣпленію Гойтхъ, залитую водой отъ дождей и размокшую до безобразія. Худшая же участь выпала на долю арьергарда, конвоировавшаго плѣнныхъ (*): большая часть плѣнныхъ состояла изъ женщинъ,

(*) Кавказскій гренадерскій, 19-й стрѣлковыя баталіоны и горный взводъ облегченной № 3-й батареи 19-й артиллерійской бригады.

которыхъ, несмотря на то, что слабѣйшихъ изъ нихъ солдаты несли на рукахъ, не могли пѣспѣвать по грязной и скользкой дорогѣ за войсками. Идя шагъ за шагомъ, арьергардъ понемногу отставалъ отъ обоза; между тѣмъ, наступилъ вечеръ, и вскорѣ, вслѣдствіе наступившей непроглядной ночи, замѣнявшейся сѣрымъ туманнымъ днемъ, дальнѣйшее движеніе войскъ сдѣлалось почти невозможнымъ. Надо было рѣшиться на что-нибудь: или, пренебрегая опасностію, сбиться съ дороги и попасть въ какую-нибудь промoнну, идти далѣе, или расположиться на ночлегъ. 19-й стрѣлковый баталіонъ рѣшился идти на соединеніе съ отрядомъ и сообщить о положеніи остальныхъ. То же могъ бы сдѣлать и кавказскій гренадерскій баталіонъ; но опасенія за орудія и въ особенности за положеніе несчастныхъ плѣнныхъ, выбившихся изъ силъ, остановили его.

Шумъ рѣки, сливаясь съ шумомъ падающаго дождя, съ сильными завываніемъ вѣтра и рыданіемъ плѣнныхъ, представлялъ что-то худшее мокрой одежды. Конечно, лучше было остановиться. Ощупью поставили на позицію орудія и расположили на бивуакъ баталіонъ. Можно ли было достать сухія дрова, какъ единственное облегченіе такого положенія—о томъ никто еще не зналъ. Сквозь непроницаемый мракъ такой ночи нельзя было различать предметовъ; никто не узнавалъ мѣстности, хотя въ эти мѣста войска приходили на фуражировку. Дороги и тропинки обратились въ ручьи; всѣ углубленія на полѣ залились водою; Пшишь началъ сильно выходить изъ своего ложа и, теряясь противоположнымъ берегомъ во мракѣ, представлялъ безконечное водное пространство, перегораживавшее мѣстами дорогу. Къ счастью, нѣсколько человекъ въ своихъ поискахъ наткнулись на плетень, который былъ мигомъ разобранъ; костры едва-едва разгорѣлись....

Дождь, между тѣмъ, шелъ съ прежнимъ ожесточеніемъ. Дрожащіе отъ холода плѣнные жадно кидались къ кострамъ; но ночью не могли найти много дровъ, и костры были невелики. Плѣнные и плѣнницы кружками тѣснились вокругъ огней. Около одного изъ нихъ сидѣла жена старшины, молодая женщина, рядомъ съ другою, должно быть своею родственницею; онѣ были почти однихъ лѣтъ. Княгиня (какъ называли солдаты первую), повидимому, ослабѣла и горько плакала, ни на минуту не осушая глазъ; легкое ситцевое платьѣ не защищало ее отъ холода, и члены ея дрожали. Пожилыя женщины совер-

шенно изнывали отъ такой погоды, и стоны ихъ, прерываемые дрожью, походили скорѣе на вздержанные глухіе крики, раздававшіеся около всѣхъ костровъ. Но одна изъ пгѣнницъ отличалась отъ всѣхъ остальныхъ: наружность ея не подходила ни къ одной изъ окружающихъ: бронзовый ровный цвѣтъ кожи, черные волосы и хорошо очерченные глаза, въ которыхъ трудно было отличить зрачки, придавали ей видъ типичной цыганки; покрытая одною промокшею сорочкой, она, наклонившись, прикрывала собою отъ дождя маленькое дитя свое. Несмотря на страшную дрожь и видимыя страданія, она не только не уронила ни одной слезы, не издала ни одного стога, но даже лицо ея выдерживало постоянно спокойное выраженіе. Она была или истинная фаталистка, либо женщина-герой.

Нехорошо было и положеніе войскъ, оставшихся безъ обоза, съ которымъ ушли всѣ припасы; но до какой степени заботливы и осторожны кавказскія войска, можетъ служить примѣромъ этотъ непредвидѣнный случай. Прошло не болѣе часу послѣ разведенія костровъ, какъ фельдфебели пришли съ докладомъ, что ужинъ готовъ. Многіе ротные командиры были даже удивлены. Какимъ образомъ явились необходимые продукты—рѣшительно было секретомъ опытныхъ кавказцевъ. Да и деньщики, вышедшіе изъ той же школы нужды и гора, еще болѣе удивляли робинсоновскими способностями.

— „Вотъ бы чайку теперъ напитокся!“ сказалъ кто-то изъ офицеровъ, вѣроятно, строя воздушные замки.

— Прикажете поставить? раздался изъ кружка чай-то отрядный голосъ.

— „Наставь! наставь!“ крикнули въ одно время всѣ.

— „Да гдѣ же у тебя вялся чай и сахаръ?“ спросили его.

— У меня въ карманѣ, спокойно отвѣчалъ деньщикъ.

— „А наставлять же въ чемъ будешь?“

— Со мною мѣдный чайникъ.

— „Да вѣдь и пить-то не изъ чего.“

— Достанемъ что-нибудь, отвѣтилъ деньщикъ, стави чайникъ на угли.

Черезъ нѣсколько времени чай былъ готовъ и отысканы двѣ посуды для питья... кто бы могъ отгадать, какія? одна—маленькая деревянная мисочка, а другая—нижній обложокъ бутылки, ровно отколотый, съ острыми, какъ бритва, краями; который и выполнялъ у владѣльца его должность стакана.

Вотъ: знаетъ какимъ образомъ при такихъ обстоятельствахъ у одного изъ ротныхъ командировъ явились супъ съ фасолью и ячневая каша, у другаго—супъ съ курицей, и все это дѣлилось на всю офицерскую братью.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело бы на любителя чая, еслибъ онъ взглянулъ на желтоватую, мутную бурду, состоящую изъ настоя карманнаго чая въ водѣ, густо разболтанной глиною; но мы пили его съ такимъ наслажденіемъ, съ какимъ не пивалъ богдыханъ лучшаго изъ чаевъ своей имперіи. Согрѣвшись немного и утоливъ голодь, всѣ почувствовали дремоту; но спать было почти невозможно: огромные потоки, бѣжавшіе съ горъ, уже шипѣли около костровъ и перескакивали каскадами чрезъ лежащія кругомъ бревна. Однако сонъ вялъ свое, и многіе офицеры задремали сидя, а другіе заснули подмостивъ подъ себя хорошія бревна. Этотъ дождь, поглывшійся, кажется, вывести изъ терпѣнія даже привычныхъ кавказцевъ, мало имѣлъ успѣха относительно солдатъ: нашлись чудо-богатыри, которые улеглись просто въ грязи и усердно похрапывали во всю носовую завертку.

Просыпавшіеся офицеры не оставались безъ дѣла: они брали подъ свои бурки по нѣскольку дѣтей и, закрывая ихъ отъ дождя, отогрѣвали понемногу; нѣкоторые отдали свои бурки матерямъ этихъ дѣтей. Около полуночи солдаты замѣтили, что одинъ мальчикъ, теряетъ уже силы, подхватили его и давай вертѣть передъ огнемъ; но все оказалось тщетнымъ, и черезъ часъ покойникъ лежалъ уже подъ ружьями. Къ утру одна дѣвочка тоже окончила свои страданія...

Начало свѣтать. Замѣтивъ, что заборъ былъ разобранъ далеко не весь и что вблизи находится еще и сакля, солдаты кинулись туда, и костры, черезъ нѣсколько времени, запылали сильнымъ огнемъ; а дождь все не унимался. Часовъ въ восемь, въ сѣверо-западной сторонѣ надъ горами появился влоحةвъ голубаго неба и дождь началъ понемногу утихать; къ десяти часамъ онъ прекратился. Небо немного расчистилось, и наша позиція получила видъ прачешнаго двора: на натыканныхъ кольяхъ были развѣшаны для просушки разныя части солдатскаго гардероба.

Въ одиннадцать часовъ мы оставили это мѣсто, гдѣ могилы двухъ дѣтей свидѣтельствуютъ о томъ бичеваніи, которое перетерпѣли несчастные плѣнники отъ неумолимой погоды.

Не прошли мы еще и версты, какъ съ лѣваго берега Пинина раздались по насъ ружейныя выстрѣлы, которые провозжали колонну версть шесть, и хотя пули ложились очень хорошо, но вредъ, ими причиненный, былъ только отбитый палець у стрѣлка и пробита сватанная шинель на артиллеристъ. Показавшееся солнце, утершее слезы несчастныхъ пѣвннхъ, потѣшало насъ недолго: опять дунуль сырой западный вѣтеръ, опять небо покрылось тучами и вчерашнее угощаніе начинало скопляться надъ головами.

Пришли къ позиціи; но разлившійся Пинишь не позволялъ переправиться на лѣвую сторону его, гдѣ стоялъ отрядъ. Этому прибывшему остатку вчерашняго арьергарда кое-какъ верхами переправили всѣ продукты, спиртъ и палатки, какъ для солдатъ, такъ и для пѣвннхъ; часть оеицеровъ перѣѣхала на лѣвую сторону. Но не весело было и въ отрядѣ. Правда, палатки, повидимому, прикрывали войска отъ дождя, но въ палаткахъ было грязи на четверть аршина глубиною; люди, въ промокшихъ полушубкахъ и папахъ съ нависшимъ на лицо мокрымъ курьесемъ, бродили какъ полумертвые; костровъ почти не существовало, такъ какъ за дровами приходилось ходить версты за три; пѣсни и лагерный шумъ притихли, и лишь изрѣдка какой-нибудь подгулявшій солдатъ заоретъ что-то такое странное, либо прокричитъ любимое выраженіе кавказскихъ солдатъ: „горе, горе, гдѣ ты живешь? на Кавказѣ!“, и снова ничего не слышно на позиціи, кромѣ шлепанья по грязи проходящихъ солдатъ. Часа въ четыре опять подняло сверху и не переставало весь вечеръ, цѣлую ночь и слѣдующій день. Пинишь на другой день поднялся въ берегахъ еще выше, а грязь сдѣлалась еще невылазаннѣе. Наконецъ дождь добился до своего: шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока не вымочидъ не только всего, что было на солдатъ, но и того, что было въ его торбочкахъ, лишивъ, такимъ образомъ, возможности надѣяться на сухую рубашку, приберегаемую имъ къ морозу или къ хорошей погодѣ. Затѣмъ съ 3-го на 4-е декабря хватило морозовъ. Солдатъ былъ поставленъ еще въ худшее положеніе; мокрое платье и рубашка замерзали на его тѣлѣ, а переѣнить было нечѣмъ.

Утромъ невозможно было хладнокровно смотрѣть на согорбившіяся и трясущіяся фигуры солдатъ, которые, не будучи въ силахъ разжать пальцы, должны были осѣдывать лошадей и

подпитывать неспябавшіяся подруги, чтобы отправиться въ Хаджи за провіантомъ и фуражемъ, какъ было приказано на-кануя. Кругомъ позиціи на значительное разстояніе было выбрано все сѣно и вырубленъ весь лѣсъ даховскимъ отрядомъ, простоявшимъ на этой позиціи почти два мѣсяца.

Несчастныя лошади, невшія сѣна двое сутокъ, подобравъ подъ себя заднія ноги, тряслись всѣмъ тѣломъ, буквально, стоя по колѣни въ грязи. Съ жадностію онѣ ѣли палки и хворостъ, но и этого лакомства достать было негдѣ. Не выдержали лошади такой пытки, и по всей позиціи видѣлись ихъ трупы, какъ цвѣтныя острова на грязномъ морѣ.

Колонна, отправившаяся за провіантомъ 4-го числа, вернулась поздно 7-го, побросавъ по дорогѣ огромное количество лошадей. Броды дождями были уничтожены, а копанная глинистая дорога сдѣлалась почти непроходимой. Оставаться на этой позиціи и подвозить фуражъ изъ Хаджи было невозможно; не было баталіона, который бы не потерялъ менѣе двѣнадцати лошадей.

Начальники, покрайней мѣрѣ, были довольны тѣмъ, что за все это время не было ни одного несчастнаго случая съ солдатами, кромѣ усилившагося числа больныхъ. Даховскій отрядъ, какъ рассказывали, тоже потерялъ много больными.

Узнавъ о нашемъ положеніи, командующій войсками Кубанской области, выжидавшій окончанія движеній нашихъ отрядовъ въ Пшекской станицѣ, велѣлъ войскамъ отступить и самъ уѣхалъ въ Ставрополь. Нашъ отрядъ, 10-го числа, выступилъ подъ дождемъ изъ Гойтхъ и прямой дорогой двинулся черезъ Ази-Пнишъ, потомъ черезъ высокій горный отрогъ, миновавъ, такимъ образомъ, копанную дорогу до Туксаго поста. 11-го числа отрядъ выступилъ изъ Шабшинской поляны, гдѣ провѣлъ хорошо ночь. Это былъ первый день, который, послѣ такой отвратительной погоды, позволилъ войскамъ идти безъ башлыковъ и не ощупью въ туманѣ отыскивать себѣ дорогу. Сильный восточный вѣтеръ съ помощію теплаго солнца принялся за трудную работу—высушивать цѣлыя глубы морской глины. Въ третьемъ часу отрядъ сталъ сходиться въ Хаджахъ, располагаясь впереди предмостнаго укрѣпленія.

Слѣдующій день былъ истинно отраднѣй для измученнаго отряда. Это былъ чисто-весенній день. Теплое солнце выманило всѣхъ изъ палатокъ. Пользуясь имъ, начались всеобщая

просушка, чистка и починка. Въ первый разъ въ эту зиму замедляли по лагерю рубахи; полубубки встрѣчались только вечеромъ. Еще такихъ же прекрасныхъ два дня провели мы на этой позиціи и начинали уже понемногу забывать прошедшее.

15-го назначено было части отряда перейти на лѣвую сторону Пшиша и расположиться лагеремъ въ восьми верстахъ ниже Хадыжей. Проснулись рано утромъ, а хорошей погоды какъ не бывало: снова встрѣтилъ насъ старый знакомый и вѣчный спутникъ солдатскихъ походовъ— „не осенній мелкій дождичекъ“, что „брызжетъ, брызжетъ сквозъ туманъ“.

Новая позиція отряда находилась по лѣвую сторону Пшиша, при впаденіи въ него рѣки Воцепси. Въ первый разъ войска наши перешли Пшишъ. Перемиріе съ абадзехами, жившими за рѣкой, должно было скоро кончиться, и расположеніе нашихъ войскъ, чуть не на порогѣ ихъ сакель, было самое дѣйствительное средство для напоминанія имъ о выселеніи и угрозою немедленнымъ вторженіемъ въ ихъ предѣлы за малѣйшее покушеніе съ ихъ стороны открыть непріязненные дѣйствія.

Не успѣлъ отрядъ перейти на позицію, разбить палатки, какъ приказано было двумъ баталіонамъ пѣхоты, двумъ сотнямъ казаковъ и двумъ горнымъ орудіямъ трогаться дальше съ начальникомъ отряда. Назначенныя части выступили и, пройдя виднѣющійся на правой сторонѣ Схалюкскій постъ версты за двѣ, остановились на ночлегъ. Утромъ проводили мы полковника Граббе еще версть шесть и остановились противъ Тверской станицы; а драгуны Тверскаго полка, выѣхавшіе навстрѣчу, продолжали конвоировать начальника отряда до Пшежской.

Дорога по этому берегу была несравненно лучше копанной, проложенной по правому: она все время шла по плоскости ровной, почти безъ замѣтныхъ спусковъ и подъемовъ, непересѣкаемая ни крутыми балками, ни глубокими промоинами, и въ то время была даже очень веселая, потому что проходила по цѣлому ряду ауловъ. Жители не убѣгали при нашемъ приближеніи, но выходили навстрѣчу даже безъ кинжаловъ, которые составляли у нихъ принадлежность пояса, и выносили то воду желающимъ напиться, то угольки для закуриванія трубочекъ. Замѣтно однако было, что неожиданное появленіе нашихъ войскъ, раньше срока, сильно встревожило ихъ; многіе пос-

пѣшно сгоняли свои семьи въ сакли, а сами выходили на дорогу. Встрѣчались намъ и вооруженные всадники, которые рысью сѣвшили куда-то; въ разговорахъ видно было у всѣхъ желаніе узнать цѣль нашего движенія. Одинъ, понаивнѣе другихъ, подошелъ къ офицеру во время движенія колонны и началъ разговоръ съ тою же цѣлю.

— „Знакомъ, знакомъ!“ заговорилъ горецъ, лаская офицера по рукаву.

— „Здравствуй, знакомъ!“ отвѣчалъ офицеръ.

— „Знакомъ, моя Лаба гайда... баранчукъ копь, марушка копь; арба пропалъ, бикъ пропалъ.... бикъ работай, арба работай, Лаба гайда (*).“

— „Лаба гайда; Лаба садись; Лаба якши...“ отвѣтилъ ему офицеръ.

— „Знакомъ, знакомъ—началъ опять хитрый горецъ, немного помолчавъ, рѣшившійся прямо приступить къ цѣли. — Стрѣляй будешь?“

— „Твоя стрѣляй не будетъ, урूसъ стрѣляй не будетъ“, отвѣчали ему.

Узнавъ, что не съ воинственнымъ направленіемъ пришли мы къ нимъ, обрадованный горецъ поторопился проститься и побѣжалъ, вѣроятно, извѣстить свою семью о полученномъ свѣдѣніи.

Правду сказать, никто изъ насъ не отгадывалъ цѣли нашего движенія. Большинству казалось, что это простая рекогноспировка дороги по лѣвому берегу.

17-го декабря колонна вернулась на позицію при рѣкѣ Воцепси, на которой весь отрядъ оставался до февраля мѣсяца.

К. ГЕЙНСЪ.

(Продолженіе будетъ.)

(*) По переводу на понятный языкъ означаетъ, что онъ имѣетъ большое семейство и что если онъ и не переходитъ еще на Лабу, такъ потому, что нѣтъ ни быковъ, ни арбы, а какъ только достанетъ то и другое, сейчасъ же и перейдетъ.